
Межнациональные отношения и становление гражданского общества на Юге России

Южный региональный ресурсный центр

2002

***Межнациональные отношения и становление гражданского общества на Юге России. О.В. Зенченко, М.В. Савва. — Краснодар: ЮРРЦ, 2002. — 72 стр.
Редактор — И.Г. Доминова.***

В настоящем издании представлены материалы, полученные в рамках проекта “Юг России — регион национального согласия и мира”, реализованного КРОО “Южный региональный ресурсный центр” при финансовой поддержке Европейского союза.

В брошюре содержатся результаты социологического исследования “Причины межнациональных конфликтов на Юге России”, отчеты о проведении фокус-групп, аналитические материалы по состоянию межнациональных отношений на Юге России и рекомендации, выработанные в рамках межрегиональной конференции “Пути достижения межнационального согласия на Юге России”.

Брошюра предназначена представителям органов власти, институтов гражданского общества и научного сообщества, занимающимся проблемами межнациональных отношений.

*Данное издание осуществлено при финансовой поддержке
Европейского союза*

Южный региональный ресурсный центр, 2002

*Люди на земле должны дружить...
Не думаю, что можно заставить
всех людей любить друг друга,
но я бы желал уничтожить
ненависть между людьми.*

А.Азимов.

Территория согласия, к которой мы стремимся

Межнациональные отношения были и остаются одной из самых сложных сфер жизни человека. Межнациональными отношениями трудно управлять и не менее трудно прогнозировать их развитие. Многие попытки предсказания будущего человечества, например марксизм, исходили из того, что национальные различия будут постепенно исчезать. Эти предсказания не оправдались. Более того, в последней четверти XX века мир вступил в эпоху бурного роста национального самосознания. Чувство национальной принадлежности усилилось, и это явление настолько противоречило всем прогнозам, что получило название этнического парадокса современности.

В России этнический парадокс проявился в кровавых конфликтах, настоящих локальных гражданских войнах, которые не прекращаются с начала 90-х годов прошлого века. В нашей стране накопившиеся за многие десятилетия противоречия, обиды, трудности национально-культурного развития наложились на экономический кризис и, что еще более важно, на резкое ослабление государственной власти. Отсутствие гражданского общества, культуры переговорного процесса, традиций мирного отстаивания своих интересов усугубило течение межэтнических конфликтов и их последствия.

Период, включающий последние 10—12 лет, стал для нашей страны, и особенно южного региона, временем быстрой смены декораций. Меняется активность миграционного потока, его национальный состав, установки местного старожильческого населения в отношении мигрантов, скачет кривая уровня напряженности межнациональных отношений, рождаются новые религиозные секты. В таких условиях необходим постоянный мониторинг состояния межнациональных отношений, его глубокое научное исследование. Но, кроме того, нужно вести поиск практических способов урегулирования конфликтов на всех его стадиях, от возникновения первых признаков психологического дискомфорта до постконфликтного урегулирования. Такие способы вырабатываются учеными, чиновниками, но не в последнюю очередь — представителями общественных организаций. Методики профилактики и регулирования конфликтов проходят проверку суровыми реалиями современного мира и являются ценнейшим опытом, который должен быть широко доступен. У этого опыта —

несколько уровней. Наиболее широкие обобщения мирового масштаба сделаны в "Меморандуме Кона". Так обычно называют основной документ, принятый в итоге встречи в 1993 году в городе Кона на Гавайских островах группы ученых — участников проекта по этническим отношениям. Меморандум вобрал в себя высокопрофессиональные оценки и рекомендации, основанные на опыте большого ряда многонациональных обществ. Мы приводим в настоящей брошюре текст меморандума, поскольку даже этот известный документ пока недостаточно доступен нашим соотечественникам.

Целью проекта "Юг России — регион национального согласия и мира" было изучение состояния межнациональных отношений в южнороссийском регионе и выработка рекомендаций по предотвращению межэтнических конфликтов на основании опыта некоммерческих общественных организаций. Наш регион относится к наиболее проблемным с точки зрения стабильности межэтнических отношений. Именно на юг страны был направлен основной миграционный поток, именно здесь в качестве сильного фактора конфликта выступает историческая память о войнах и депортациях, здесь расположены основные очаги сепаратизма и религиозного фундаментализма. Наконец, Юг России — это территория с наиболее консервативным населением, а у консерватизма, как известно, есть и плюсы, и минусы. Поэтому опыт общественных организаций Республики Адыгея, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области уточняет и конкретизирует методы урегулирования конфликта, содержащиеся в "Меморандуме Кона" и других обобщающих документах. Его не нужно подгонять к местным условиям, он вырос из этих непростых условий. В ходе "круглых столов", прошедших в десяти городах региона, этот опыт был собран и обобщен. Несмотря на похожие темы "круглых столов", каждый из них отличался по интонации, по характеру поднимаемых в дискуссиях проблем. Мы смогли услышать об эффективной работе гражданских союзов в предотвращении конфликтов, в воспитании толерантности у детей, в содействии адаптации вынужденных мигрантов и о многих других вопросах миротворчества. Обмену опытом между общественными организациями, органами власти, представителями научного сообщества в решении межэтнических проблем и выработке рекомендаций для разрешения вышеуказанной проблемы была посвящена межрегиональная конференция "Пути достижения межнационального согласия и мира на Юге России". Обобщенные результаты "круглых столов" и конференции мы представляем в нашем сборнике.

Важной частью подготовки к миротворческой деятельности являются социологические исследования. Что думают люди о состоянии межнациональных отношений, как представляют себе причины межэтнических конфликтов, какие методы урегулирования конфликтов они считают эффективными — эти и еще ряд вопросов задавались участникам фокус-группового исследования и массового социологического опроса. Проведение комплексной исследовательской программы "Причины и факторы межнациональных конфликтов" позволило получить полную информацию о состоянии межнациональных отношений в

четырёх субъектах Российской Федерации. В результате проведения фокус-группового исследования — глубинного изучения мотивов поведения людей при общении представителей различных национальностей была собрана информация о социальном самочувствии различных групп и состоянии межнациональных отношений, выраженных языком обычных людей. Их высказывания могут показаться слишком резкими, но мы считаем, что без знания мнений "людей с улицы" невозможно объективное изучение межнациональных отношений. Параллельно с этим проводилось массовое социологическое исследование в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области и Республике Адыгея. Исследование такого масштаба проведено после длительного перерыва, вследствие чего результаты имеют особую значимость. Полный отчет о полученных результатах публикуется в нашей брошюре, как и результаты фокус-групп, проведенных в Краснодаре и Майкопе. Мы составили анкету таким образом, чтобы иметь возможность сравнить результаты исследования "Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа", проведенного в 1995 году, и итоги опроса по проекту "Юг России — регион национального согласия и мира". Изменения в общественном мнении оказались тревожными. Они анализируются в статье М.В. Саввы.

Проект "Юг России — регион национального согласия и мира" оказался своевременным. На самом рубеже XX и XXI веков в южнороссийском регионе происходят важные изменения в сфере экономики, системе властных отношений, общественном сознании. Изменяющаяся реальность меняет и состояние межнациональных отношений. В то же время наши представления об этих отношениях остаются, как правило, на уровне начала 90-х годов. Стереотипы и предрассудки очень устойчивы. Для того чтобы видеть мир таким, каков он есть, мы должны периодически переосмысливать свои представления с помощью объективного научного анализа. Иначе в зазоре между нашими устаревшими взглядами и реальностью накапливаются все новые и новые проблемы.

Мы благодарим Европейскую комиссию за финансовую поддержку проекта "Юг России — регион национального согласия и мира", экспертов и участников "круглых столов" и конференции за их неоценимую работу в деле укрепления мира на Юге России.

***Оксана ЗЕНЧЕНКО,
руководитель проекта
"Юг России — регион национального согласия и мира".***

***Михаил САВВА,
доктор политических наук, профессор КубГУ,
координатор проекта "Юг России — регион национального
согласия и мира".***

Меморандум Кона

Управление этническим конфликтом

ВВЕДЕНИЕ

Члены совета за этническое согласие при проекте по этническим отношениям собрались в городе Кона (Гавайи, США) в ноябре 1993 г. с целью выработать набор конкретных рекомендаций для всех, занимающихся проблемами этнических отношений — несомненно, наиболее распространенного и, возможно, наиболее значимого источника людских страданий в современном мире. Данный документ является плодом коллективной работы членов совета. Он явлен миру со всей скромностью, для того чтобы дать пищу размышлениям и комментариям, и с надеждой на то, что поможет глубже осознать проблему и в конечном итоге приведет к появлению разумной политики, способной разрешить эти проблемы.

Этническая, или национальная, принадлежность является продуктом политической, культурологической, религиозной и языковой истории общества, его традиций и обычаев, иногда и мифов, а не “общего происхождения” в сколь-нибудь серьезном научном и антропологическом смысле. Известный британский специалист по национализму Хью Сетон-Уотсон писал, что, всю жизнь занимаясь этой проблемой, он пришел к выводу о невозможности научного определения понятия нации: “Я могу лишь сказать, что нация существует, если значительная часть общества считает, что образует единую нацию, или ведет себя как единая нация”.

Но как бы она ни определялась, этническая принадлежность и борьба за национальное самоопределение, которая часто сопровождала утверждение этничности, сыграли в современной истории двоякую роль. С одной стороны, они были ведущим фактором, приведшим к падению империализма, тоталитаризма, заидеологизованности и утверждению прав и свобод личности. Тем самым они выступали основой возрождения и укрепления человеческого достоинства. Но, с другой стороны, они являлись источником опасных трений и разрушительных конфликтов, унесших жизни миллионов людей и причинивших огромный ущерб, затрудняющих осуществление политических и экономических преобразований и служащих оправданием нарушений прав человека и установки деспотических режимов.

Совет по этническому согласию не защищает и не оспаривает принцип этнического или национального самоопределения, но признает и даже подчеркивает чрезвычайную сложность проблем, вызванных его практическим осуществлением или даже выдвиганием в качестве политического требования. Совет также не занимает никакой позиции по вопросу о коллективных правах нации, не равных (или дополняющих) индивидуальным правам, однако отмечает, что этот вопрос является предметом ожесточенных споров, и сам факт этих споров необходимо принимать во внимание при поиске решений проблем, вытекающих из самоутверждения этничности.

На протяжении веков такие проблемы возникали там, где потоки миграции

или политические перемены ставили общины в положение меньшинства в обществах, большинство в которых принадлежало к иной этнической группе или национальной традиции. Большинство и меньшинство вступали в конфликт из-за доступа к природным ресурсам и национальному достоянию, за улучшение своего социального, политического и экономического положения и возможностей получения образования. При этом зачастую применялись такие древние формы дискриминации и угнетения, как касты “неприкасаемых” в Индии, класс людей, традиционно занимающихся “нечистыми” работами в Японии, как положение ромов (цыган) и евреев во многих странах.

В более поздние времена к этим проблемам добавилось еще одно измерение. Зачастую меньшинство в одной стране этнически родственно большинству населения соседней страны, что порождает как страхи, так и амбиции национальной экспансии и раздела страны. Национальные границы, установленные в Восточной Европе и на Ближнем Востоке в результате урегулирования после первой мировой войны, а в бывшем Советском Союзе — прихотью царской или советской власти, порой изменялись (наряду с другими факторами) по требованиям этнических групп. Это порождало и порождало новые аналогичные требования или оспаривается как никогда ранее, в том числе и военной силой, грозящей войной обширным регионам. В результате все активнее звучат предложения о международном вмешательстве в этнические конфликты, но при этом не определены критерии и формы такого вмешательства, а опыт такого вмешательства в бывшей Югославии не внушает оптимизма.

Было бы целесообразно рассмотреть сущность этнического конфликта на четырех стадиях: латентный период, проявление, активное течение и последствия конфликта. На каждой стадии существуют свои специфические возможности и потребности в действиях.

ЛАТЕНТНЫЙ ПЕРИОД

На протяжении более или менее длительных периодов в жизни многонациональных государств отношения между большинством и меньшинством его населения могут казаться нормальными, и поэтому не делается ничего или почти ничего для недопущения возможных будущих конфликтов. Однако именно на этой стадии существует возможность реализации конструктивных мер для предотвращения этнических взрывов. Особенно актуально это для тех случаев, когда в обществе осуществляются масштабные институциональные преобразования, как в бывших коммунистических государствах после 1989 года.

Задача действий властей в такой ситуации — укреплять принцип единого и полного гражданства для всех жителей. Недостаточно просто принять законодательство, провозглашающее права этнических групп и запрещающее дискриминацию. Должны предприниматься усилия по вовлечению этнических меньшинств в процесс принятия политических решений, чтобы показать им, что их права соблюдаются и что они могут рассчитывать на справедливое к себе отношение со стороны властей. Новым независимым государствам следует принимать “нулевой вариант” гражданства. Все живущие на территории нового государства на день его создания должны иметь право получить гражданство. Системы выборов и политические партии должны организовываться таким образом, чтобы были выгодны этнические коалиции. Социально-экономическая политика должна стараться способствовать улучшению условий жизни и повы-

шению статуса групп, которые подвергались дискриминации, расширять их возможности, хотя опыт США и Индии и показывает, что “положительная дискриминация” может давать и негативные результаты.

При проведении такой политики следует принимать во внимание, что неравенство в положении этнических групп зачастую является следствием различий между городом и деревней и исторически сложившимся разделением труда.

В некоторых случаях для заверения меньшинств в реальности их прав и защите их культуры необходима федеративная структура. Федерализм может вызвать у большинства страх перед возможным сепаратизмом и призраком расчленения страны, но опыт Швейцарии, Индии, постфранкистской Испании и Европейского союза показывает, что федерализм способен обеспечить политическую стабильность и ослабить сепаратистские порывы. Юридическое или фактическое исключение какой-либо группы из участия в общегосударственных делах может высечь искру требований самоопределения. В федеративной структуре следует предусмотреть, что для избрания на федеральные посты кандидатам необходимо получить поддержку квалифицированного большинства субъектов федерации. По меньшей мере, следует всячески поощрять “функциональный федерализм”. Принцип распыления власти, применяемый в Европейском союзе, может служить образцом такого федерализма. При такой системе политические и экономические полномочия спускаются на максимально низкий уровень административных органов, способных их компетентно отправлять. Этот принцип применим и для системы образования. Однако не следует забывать, что этническая принадлежность может основываться и не на территориальном принципе, а объединять группы людей, живущих в разных частях одного государства. В этом случае необходимо обеспечить возможность их связи между собой (в том числе и право использования ими родного языка) через границы территориальных образований.

Следует поощрять включение в программы учебных заведений знаний о пороках и опасностях этнических предрассудков и воспитывать у людей способность бороться с этническими стереотипами, в том числе в своем собственном сознании. Особое внимание в системе образования следует обращать на те этнические группы, которые находятся в наименее выгодном положении, чтобы помочь им сформулировать собственные интересы, осознать ответственность и возможность в большом многонациональном обществе, открыть их представителям доступ к руководящим позициям и на местном, и на общенациональном уровнях. Как отдельные журналисты, так и органы массовой информации в целом должны учиться ответственности за информацию об этнической розни, выверять и проверять точность данных до публикации. Однако попытки запретить публичное выражение этнических предрассудков не всегда дают должный эффект. Напротив, попытки предать в руки правосудия нарушителей подобных запретов могут спровоцировать накал страстей. Но, по меньшей мере, следует пристально следить и предавать гласности все события, происходящие в этой области. Особая роль в формулировании этнических интересов в виде, не несущем угрозы другим, принадлежит интеллектуальной элите. Излишне агрессивные интеллектуальные формулировки в ряде случаев могут спровоцировать вспышку конфликта. Так, борьба между Грузией и Абхазией началась как “война филологов”. Интеллектуальные лидеры могут сыграть положительную роль и в разработке новых концепций национального государства, отойдя наконец от предпосылки “каждой этнической группе — свое

государство”, т. е. от того, что отдельно взятая этническая группа — единственный легитимный источник государственной власти. Необходим переход к понятию государства как поликультурного образования, сохраняющего внутри себя различные и несмешивающиеся культурные единицы.

Каждое государство должно ясно осознавать, что другие государства неизбежно будут проявлять интерес к статусу и условиям жизни своих соотечественников в других государствах. Все стороны должны подходить к этой проблеме максимально объективно, откровенно и реалистично, не забывая при этом, что вопросы отделения, чести нации, суверенитета в таких случаях всегда могут выйти на поверхность. Ориентиром в такой ситуации должно быть установление таких отношений между этническим меньшинством и его соотечественниками в другом государстве, при которых исключались бы подстрекательство и агрессивность. Практический опыт подсказывает, что проблемы такого рода легче решать путем обсуждения конкретных вопросов, а не попыток сформулировать общие принципы. При этом полезно привлекать профессиональных экспертов, знать сравнительный опыт других, обращаться к международному сообществу за посредничеством и, возможно, гарантиями соблюдения договоренностей.

В то же время международные организации, как правительственные, так и неправительственные, должны переосмыслить свою ответственность и свои реальные возможности. Они могут сделать многое для утверждения принципов равных прав гражданства, соблюдения прав человека, этнического взаимопонимания и сотрудничества. Они также должны быть готовы к выполнению миссий посредничества и разрешения конфликтов, обеспечения соблюдения международного права и норм поведения. Например, серьезным сдерживающим фактором может явиться постоянно действующий международный трибунал, разбирающий военные преступления или нарушения прав человека.

ПРОЯВЛЕНИЯ КОНФЛИКТА

Нет никакой причины считать неизбежным переход этнической напряженности в войну, однако это случается достаточно часто. Во многих случаях это является прямым следствием пренебрежения мерами, которые могли бы быть предприняты во время латентного периода. Наиболее частотные сигналы бедствия, свидетельствующие о сползании к насилию, — усиление взаимных обвинений в злонамеренности, ссылки на этнические стереотипы в общественных дискуссиях и политических акциях, появления слухов о зверствах, чинимых какой-либо этнической группой, и требований чрезвычайных мер на благо или в защиту этнического меньшинства или большинства либо для ограничения свободы действий тех, кто угрожает им.

Менее заметным, но при том не менее верным знаком может служить и спонтанная перегруппировка населения по этническому признаку. Такая подвижка проявилась в Югославии в статистике переписей населения после смерти Тито. Это должно было быть расценено как негромкое предупреждение о том, что народ предчувствовал конфликт, который впоследствии действительно разразился. Кроме того, такая перегруппировка сама по себе порождает проблемы, поскольку создает конкуренцию за рабочие места, жилье и может вызвать рост преступности. Даже если новоприбывшие принадлежат к той же этнической группе, что и коренное население данной местности, они могут нести с

собой иные культурные ценности или образ жизни, равно как и сильные негативные установки в отношении той этнической группы, от которой они “спаслись бегством”. Эти проблемы проявляются стократ сильнее в случаях насильственного переселения.

Приватизация экономики в бывших коммунистических странах также способствовала усилению этнической напряженности, поскольку группы, активно занимающиеся или нашедшие новую сферу деятельности в торговле, зачастую воспринимаются как незаконно наживающиеся на рыночной системе и других аспектах экономической реформы. Это случилось с выходцами с Кавказа в Москве, с румынами и евреями и в России, и в Восточной Европе.

Такие процессы могут привести к спорадическим актам этнического насилия. В этот момент правительство должно действовать быстро, чтобы поддержать порядок и авторитет власти; оно должно занять позицию недвусмысленного отрицания насилия как образа политических действий, в том числе и насилия со стороны большинства или доминирующей политической группировки. Как только свершится первый акт насилия, различные группы могут начать накопление оружия, создание военизированных формирований или мобилизацию лиц, уже имеющих военную подготовку и опыт военных действий, на благо своей нации. Появляются этнические деятели, выдвигающие жесткие бескомпромиссные требования и вынуждающие политиков включать эти требования в свои политические программы и законодательные акты. Даже те политики, которые хотели бы противостоять таким требованиям и разрешать конфликты мирным путем, могут не находить путей добиться этого и считать, что лучший способ поведения — просто игнорировать первые проявления насилия. Такая пассивная реакция может быть истолкована как “зеленый свет” полномасштабному систематическому насилию против этнических недругов.

На этой стадии для разрешения конфликта могут использоваться все те меры, которые рассматривались выше для латентной стадии. Однако их реализация значительно затруднена в условиях открытого проявления конфликта, потому что они в условиях острого противостояния неизбежно будут рассматриваться как односторонние. Например, выделение значительных ресурсов пострадавшим группам вызовет недовольство и зависть. Более того, эти меры могут работать недостаточно быстро, чтобы остановить дальнейшее усугубление конфликта. В связи с этим требуются и иные специфические для данной стадии шаги.

Первейшая задача — укрепление общественного порядка. Конечно, абсолютно необходимо, чтобы предпринимаемые с этой целью меры не были этнически окрашены. Необходимы специальные полицейские части для борьбы с массовыми беспорядками — с нейтральным командованием, высокодисциплинированные и этнически смешанные. Для их подготовки может быть полезен зарубежный опыт, например, французских *Compagnies Republicaines de Securite*. Полиция и таможенная служба должны тщательно следить за распространением оружия внутри страны и его ввозом из-за рубежа. Должно делаться все возможное для ограничения подстрекательской пропаганды.

Суды, особенно суды нижней инстанции, должны получить четкие ориентиры по рассмотрению этнически заряженных дел. Необходим и строгий надзор за системой юстиции, чтобы избежать проявления этнических предрассудков при осуществлении правосудия. Подстрекательство и участие в беспорядках

должны преследоваться по всей строгости закона, а вынесенные приговоры — неукоснительно выполняться. Зачастую проявляется тенденция после затухания насилия закрывать дела или выносить условные приговоры его зачинателям. Это провоцирует новые вспышки насилия, так как подстрекатели усваивают, что они мало чем рискуют лично. Неспособность властей рассмотреть обвинения и наказать виновных раздувает авторитет руководителей беспорядков и внушает общественному мнению мысль о том, что государство равнодушно воспринимает или даже попустительствует насилию. Возможно, потребуются и новые законы, запрещающие этническую дискриминацию и насилие.

Важно содействовать распространению точной и непредвзятой информации о конфликте, особенно в прессе. Нужна специальная программа по последовательному разоблачению ложных слухов. Журналистам и редакторам нужно дать почувствовать, что они несут реальную ответственность за свою этическую и профессиональную позицию. Закон должен быстро и жестко реагировать на призывы к насилию, клевету и другие действия, выходящие за общепринятые рамки свободы слова. Это нужно не во имя абстрактной справедливости, а чтобы дать обществу понять, что справедливость надежно защищена. На поджигательские или клеветнические заявления должен следовать оперативный ответ со стороны властей.

В области разрешения конфликта может оказаться полезным опыт, накопленный в других странах. Для сдерживания насилия или изыскания способа выплеснуть пар, равно как и налаживания конструктивного диалога между враждующими, могут привлекаться и ресурсы общественных наук. В частности, в этих обстоятельствах, как показывает практика, может быть полезно достичь согласия второго порядка, т. е. согласия в формулировании предмета спора. По определению, такое согласие может считаться достигнутым, если каждая сторона способна изложить непредвзятому стороннему наблюдателю позицию другой стороны в виде, приемлемом для последней. Когда такое согласие есть, последующие споры будут вестись вокруг реальных разногласий, а не выливаться в полемические размышления о позициях своей и противоположной сторон.

И на этой стадии власти должны четко отдавать себе отчет в возможных международных последствиях своих действий. Способность правительства предотвратить или, по меньшей мере, сдержать этническое насилие серьезно влияет на отношение к ним международных органов, а также на международные инвестиции.

АКТИВНОЕ ТЕЧЕНИЕ КОНФЛИКТА

Если усилия, предпринятые на первых двух этапах, не принесли желаемых результатов, может разразиться полномасштабный конфликт между этническими группами. Он может принять форму восстания меньшинства против центрального правительства или войны между этническими группами в границах страны, но поддерживаемой соотечественниками из-за рубежа в большей или меньшей степени и более или менее открыто.

В некоторых случаях центральное правительство заинтересовано в сохранении своего общенационального характера и в постепенном примирении враждующих сторон, однако в других случаях оно может считать выгодным поражение одного из соперников. Другой вариант — раздел страны, возможно, в результате внешнего вмешательства или, реже, “победы” большинства над

меньшинством, плоды которой в долгосрочной перспективе можно сохранить лишь путем постоянных политических и военных репрессий, разрушающих общество и государство.

Первейшая задача — остановить военные действия или, во всяком случае, сдержать их политическими средствами, имея в виду конечное достижение конструктивного решения. Для этого необходимы:

а) решительные заявления властей о нетерпимости к насилию, сопровождаемые уверенными действиями армии и полиции. Поджигатели и вершители этнического насилия должны быть задержаны, арестованы или, по меньшей мере, удалены из места конфликта;

б) избежание раскола по этническому признаку в структурах, обеспечивающих порядок (что наиболее вероятно, если меры, описанные для первой и второй стадии, были реально осуществлены). Эти силы должны быть дисциплинированы и находиться под эффективным политическим контролем. Если есть подозрение, что местная полиция занимает позицию одной стороны в этническом конфликте, необходимо ввести полицейские подразделения извне;

в) твердый контроль над средствами связи и объективностью средств массовой информации. Для поддержания работы средств связи и документирования событий может потребоваться дополнительное оборудование;

г) создание механизмов достижения прекращения огня и вступления в переговоры. В этом вопросе критически важную роль может сыграть международное посредничество. В соглашения о прекращении огня необходимо включать пункт о санкциях за нарушение соглашения, при этом следует иметь в виду, что ни одна из сторон не должна иметь возможности использовать прекращение огня для накопления свежих сил для возобновления военных действий. В соглашениях должны участвовать не только непосредственные участники конфликтов, но и другие стороны, которые в конфликт напрямую не вовлечены, но имеют оружие и вооруженные формирования и потенциально могут вмешаться в конфликт. Возможно, потребуются меры по разоружению всех гражданских лиц в районе конфликта;

д) минимизация потерь и материального ущерба. Необходимо добиваться отвода военнослужащих и вооружений с линии фронта. Нужно создавать нейтральные или безопасные зоны при возможных международных гарантиях, вводить статус свободных городов или применять другие меры, предусмотренные международным правом;

е) предотвращение зверств и военных преступлений. Как упоминалось раньше, наличие международного трибунала по таким преступлениям может иметь сдерживающий эффект. Если после окончания нынешних этнических войн в бывшей Югославии и бывшем СССР эти преступления будут подвергнуты тщательному и непредвзятому судебному разбирательству, возможно, это явится важным ограничителем подобных преступлений в будущем. Необходимо собирать информацию о военных преступлениях для последующих судебных разбирательств, и процесс сбора информации должен иметь широкую гласность.

На этом этапе необходимо вмешательство международного сообщества, чтобы предотвратить опасность перерастания конфликта в общерегиональную или даже глобальную войну. Возможно и прямое военное вмешательство, хотя оно несет опасность расширения масштаба войны вместо желаемого ее прекращения. Международное вмешательство может осложнить конфликт, затруднить его урегулирование, помешать использованию иных средств. Поэтому

его следует осуществлять лишь после тщательного анализа возможных последствий и имеющегося опыта аналогичных акций. Если на него все же решаются, то, при прочих равных условиях, оно будет тем эффективнее, чем быстрее после начала войны осуществляется. Например, в югославском случае оно должно было бы произойти после первых нарушений силой новопризнанных границ Боснии, Хорватии и Словении. Успех вмешательства зависит также от того, согласны ли на него все участники конфликта.

Однако и без прямой интервенции международное сообщество может многими путями воздействовать на конфликт. Оно может помешать ввозу оружия в зону конфликта из-за рубежа, в определенной степени ограничить односторонние политические и военные акции и поджигательскую пропаганду. Оно может вводить санкции и эмбарго, оказывать моральное давление с целью достижения прекращения огня, защиты людей и содействия переговорам между воюющими. Оно может готовить судебные процессы по делам о преступлениях против человечества, нарушениях международного права, норм ведения войны, обращения с пленными и беженцами. Оно (или отдельные страны, действующие от его имени) может содействовать распространению объективной информации о конфликте путем финансирования или поддержки объективных средств массовой информации внутри страны или теле- и радиотрансляций из-за рубежа. Оно может содействовать усилению умеренного лагеря внутри страны, помочь ему не быть оттесненным экстремистами за границу спектра политических сил, оказывать умеренную материальную поддержку (если такая поддержка не компрометирует их) и содействовать их выходу на международную арену. Группы, стоящие на позициях демократии и межэтнического сотрудничества, должны иметь привилегированное положение при ведении международного диалога о конфликте в их стране. Международное сообщество должно ясно дать понять тем, кто несет главную ответственность за этническое насилие или привержен принципу этнической исключительности, что, даже если им и удастся закрепиться у власти, они столкнутся с продолжающимся международным остракизмом и изоляцией. Наконец, не следует недооценивать роль международного бизнеса, содействующего умеренным, потому что экономика любой страны зависит от настроения и доверия к ней со стороны международных инвесторов.

При этом важно, чтобы международные организации и отдельные страны, даже при оказании гуманитарной помощи или содействии переговорам о примирении, не подтверждали, а требовали «победителей» — примерить к реалиям продолжающегося совместного существования в одном государстве.

ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА

Рано или поздно конфликт закончится, и будет нужно восстанавливать гражданский порядок на руинах, оставленных этническим конфликтом. Вчерашних врагов нужно примирить, а требования «победителей» — примерить к реалиям продолжающегося совместного существования в одном государстве.

В некоторых более благоприятных случаях, например в Нигерии после гражданской войны на этнической почве (1967—1970), может последовать общее признание урона для всего общества и нейтральное заявление о необходимости воссоздать единое гражданское общество на новой основе. В этом случае можно приступать к строительству новых государственных институтов на условиях национального примирения. При этом должны предприниматься созна-

тельные усилия обратить несчастье во благо; восстановительный процесс должен быть этнически бесстрастен, и все его участники должны заявить о приверженности принципу общегражданского государства.

В любом случае должно состояться освобождение заложников, обмен пленными, предание земле погибших, причем эти меры недопустимо превращать в повод для прославления конфликта. Жертвы войны должны получить компенсацию, а беженцы — вернуться в свои дома, если это представляется возможным. Эти акции легче осуществить при наличии законов, запрещающих присвоение частной собственности в условиях массовых беспорядков или вооруженного конфликта. Раненые и потерявшие кров должны быть обеспечены медицинским обслуживанием. В особой заботе нуждаются дети, потерявшие родителей, и женщины, подвергшиеся насилию (зачастую еще большие страдания им приходится испытывать, нося на себе позорное клеймо, в окружении своих соотечественников).

К сожалению, очень часто вчерашние бойцы обретают славу героев и пожинают политический урожай своих “подвигов”. Где это возможно, следует оказывать международное давление для недопущения их на руководящие позиции в постконфликтной ситуации. Следует поощрять общественный диалог на тему позитивных реформ в обществе. Конфликт должен быть дедраматизирован; нельзя позволять превращать его в “священную память”. Необходимо пресекать распространение понятия кровной мести, чтобы конфликт не передался в генетическую память последующих поколений (таких примеров много, в том числе память о геноциде армян). Во всех этих процессах особая роль принадлежит школе и прессе. И наконец, военные преступления и другие нарушения прав человека должны быть расследованы, а виновные — понести наказания, желательно по общенациональным законам.

Цель мероприятий, осуществляемых на этой стадии, — вернуть страну к исходной точке, когда конфликт сдерживается и вновь открывается возможность — при условии принципиального и компетентного осуществления необходимых политических шагов — выстроить долгосрочные взаимовыгодные и мирные отношения между населяющими страну различными этническими группами.

Результаты социологического исследования состояния межэтнических отношений в регионе

Осенью 2001 г. в рамках проекта “Юг России – регион национального согласия и мира” было проведено социологическое исследование состояния межнациональных отношений в четырех субъектах Федерации: Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области, Республике Адыгея. Всего по представительной выборке опрошено 1000 человек, в том числе в Краснодарском крае — 337, Ставропольском крае — 175, Ростовской области — 288, Республике Адыгея — 200 (только адыгейцы). Исследование такого масштаба на территории нескольких субъектов Федерации проведено впервые с 1995 года. Вопросы исследования сформулированы таким образом, чтобы можно было в сравнении с данными исследования “Чеченский кризис в массовом сознании населения Северного Кавказа” (1995 год) выявить динамику общественного мнения по вопросам межнациональных отношений, а также осуществить сравнение ситуации в соседних субъектах РФ: Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях, Республике Адыгея.

Исследование осуществлено 4—10 ноября 2001 года центром социальных и маркетинговых исследований (Краснодар, руководитель — В.Ю. Реммлер) по заказу Южного регионального ресурсного центра по опросному листу, разработанному ЮРРЦ. Объект исследования — население Ростовской области, Ставропольского, Краснодарского краев и Республики Адыгея. Предмет исследования — состояние межэтнических отношений в регионе.

Исследование проводилось по репрезентативной выборке, соответствующей численности населения, а также половозрастной и поселенческой структуре данных субъектов Федерации, на основе микропереписей населения 2000 года.

Исключение составила Республика Адыгея, где в целях получения статистически значимых данных объем выборочной совокупности был увеличен до 200 респондентов.

По той же причине, для получения статистически значимого массива данных, в обследованных субъектах опрашивались русские — представители большинства коренного населения, кроме Республики Адыгея, где объектами исследования были представители титульного этноса — адыги.

Исследование проводилось квотно-маршрутным методом в гг. Краснодаре, Ростове, Ставрополе, Майкопе, а также в 14 сельских населенных пунктах.

1. Оценка состояния межнациональных отношений в административно-территориальных единицах различного таксономического уровня.

Респондентам предлагалось оценить состояние межнациональных отношений по шкале от (-3), что означало “конфликт налицо” до (+3), что означало: “Проблемы межнациональных отношений не существует”. Оценка “0” выражала позицию: “Не знаю, затрудняюсь ответить”. Таким образом оценивалась ситуация в сфере межнациональных отношений в территориально-административных единицах различного таксономического уровня: в Российской Федерации в целом, в регионе проживания респондента, конкретно в населенном пункте, в котором проживает респондент.

1.1. Оценка ситуации в России

Таблица 1

Сводная таблица (оценка ситуации в РФ)

Данные	-3	-2	-1	0	1	2	3	Общий итог
Частота	414	191	137	125	62	32	39	1000
%	41,4%	19,1%	13,7%	12,5%	6,2%	3,2%	3,9%	100%

Средний балл от общей суммы оценок — (-1, 5), что можно интерпретировать как “состояние напряженное, на полпути к открытому конфликту”, причем достаточно большой процент опрошенных респондентов считают, что межнациональная ситуация в России — весьма конфликтна.

Так, общий процент отрицательных оценок от числа опрошенных в Краснодарском крае — 86,1%, в Ростовской области — 67,8%, в Ставропольском крае — 86,9%. Даже в Республике Адыгея процент весьма высокий — 60%, с учетом того, что опрашивались только адыги, которые в республике находятся в более благоприятном положении по сравнению с представителями других этнических групп и традиционно оценивают ситуацию в сфере межнациональных отношений как спокойную и стабильную.

Количество отрицательных оценок больше в селе, чем в городе. Это объясняется тем, что село — относительно замкнутая социальная общность, в которой связи и отношения, с одной стороны, более открыты, с другой — более жестко, чем в городе, структурированы. Даже сам факт проживания там представителей иноэтничных групп зачастую уже означает межнациональный конфликт.

Количество положительных оценок соответственно выше в городе, но самой показательной, на наш взгляд, оценкой является оценка “0” — “не знаю, затрудняюсь ответить”. Именно эта оценка свидетельствует о том, что респондента вообще не волнуют межнациональные проблемы, а следовательно, он вполне удовлетворен ситуацией в сфере межнационального общения. Среди городских респондентов такую оценку дали 16,1%, среди сельских — более чем в два раза меньше — 7,1%.

Довольно четкая зависимость при оценке ситуации в России прослеживается от уровня образования респондентов, причем эта зависимость с первого взгляда довольно парадоксальна. Вопреки мнению о малообразованных слоях населения как люмпенах, потенциальных носителях конфликтных настроений, в данном случае ощущение большего напряжения возникает именно у респондентов с более высоким уровнем образования. Так, если среди респондентов с начальным и неполным средним образованием ситуацию оценивают как “конфликт налицо” — 27,3%, то в следующей группе (среднее и среднее специальное образование) этот процент уже 43,8%, в группе респондентов с высшим образованием он составляет 44,6%. Тем не менее нельзя говорить о том, что данная группа респондентов — самая конфликтная. В данном случае речь идет скорее о большей чувствительности к проблемам межнациональных отношений, они воспринимаются не только через призму конкретных фактов, но и через призму размышлений и рефлексий, собственных интеллигенции в целом. Не случайно именно в этой группе наиболее высок также процент положительных оценок — 16,5% и наиболее низок процент “0” — 9,1%.

Вместе с тем в группе респондентов с неполным средним образованием наиболее высок процент тех, кто национальных проблем как бы не замечает, относится к ним с полным безразличием (оценка “0”) — 20%.

Определенным образом на восприятие межнационального общения влияет и социальный статус респондента. Так, наиболее нетерпимыми (90% отрицательных оценок) оказались безработные, наименее (65%) — учащиеся и студенты, в среднем же процент отрицательных оценок по группам колеблется в пределах 70—88%.

Таким образом, если говорить об оценке респондентами состояния межнациональных отношений в целом в стране, то она находится в отрицательном поле. Суммируя возрастные, социальные, образовательные и национальные характеристики респондентов, можно представить некий абстрактный, обобщенный портрет респондента, воспринимающего ситуацию как конфликтную. Это — безработный русский житель села со средним или средним специальным образованием. Он может быть равным образом и женщиной, и мужчиной.

Наименее конфликтная группа: горожанин-адыг, учащийся вуза.

2. Оценка ситуации в регионе

Таблица 2

Сводная таблица (оценка ситуации в регионе)

Данные	-3	-2	-1	0	1	2	3	Общий итог
Частота	202	151	201	133	87	81	145	1000
%	20,2%	15,1%	20,1%	13,3%	8,7%	8,1%	14,5%	100%

Как видно из таблицы, ситуацию в регионе проживания респонденты оценивают как более стабильную. Но при этом необходимо отметить весьма большой разброс по регионам, в которых проходило исследование. Наиболее конфликтным выступает Ставропольский край, где процент оценок (-3) — 46, 3%, а общий процент отрицательных оценок — 91,5%.

В противовес этому достаточно безмятежно выглядит общественное мнение о ситуации в Адыгее — 14,5% отрицательных оценок против 74, 5% положительных, что вполне объяснимо как с точки зрения ведущейся республиканской администрацией политики замалчивания межнациональных проблем, так и с точки зрения самого национального состава респондентов, которые, являясь представителями титульной нации, не ощущают на себе в полной мере этих проблем.

В Краснодарском крае и Ростовской области общий процент отрицательных оценок соответственно 63,5% и 52, 5%, причем ростовчане демонстрируют восприятие ситуации в регионе как более “мягкой”, оценивая ее не как открытый конфликт (-3) (таких оценок всего 4,9%), а скорее как ситуацию предконфликтную (-1) — 35,4%.

Столь высокий уровень отрицательных оценок в Ставропольском крае объясняется, по-видимому, ощущением себя приграничной зоной, в непосредственной близости от которой разворачиваются военные действия.

Обращает на себя внимание тот факт, что респонденты из Краснодарского края все же гораздо более положительно оценивают ситуацию в крае, чем в России в целом. Такая оценка характерна для относительно стабильных регионов, в которых люди в целом удовлетворены своей жизнью, а все, что за пре-

делами своей территории, представляется более агрессивной средой, своего рода темным лесом, куда лучше не ходить. Кстати, в Краснодарском крае и в Республике Адыгея чрезвычайно велик, по сравнению с оценкой ситуации в России в целом, процент крайне положительных оценок (+3) – проблемы межнациональных отношений не существует (см. таблицу 3).

Таблица 3

Сравнительные показатели по Краснодарскому краю и Республике Адыгея (состояние межнациональных отношений в России и регионе)

	В целом по России	Конкретно в регионе
Краснодарский край	7,8%	27,8%
Республика Адыгея	17,5%	74,5%

В Ставропольском же крае и Ростовской области процент респондентов, оценивающих ситуацию в регионе как крайне положительную, в целом соответствует проценту респондентов, крайне положительно оценивающих ситуацию в целом по стране.

Некоторые нюансы прослеживаются и в восприятии межнациональной ситуации в регионе по сравнению с общероссийской, сельскими и городскими респондентами. Если при оценке ситуации в России в целом жители села давали больший по сравнению с горожанами процент отрицательных оценок, то при оценке ситуации в своем регионе количество положительных оценок у селян гораздо больше, чем у горожан. Соответственно 26% и 38,2%.

Распределение мнений респондентов в соответствии с их полом, возрастом, уровнем образования, социальным положением и национальной принадлежностью в целом такое же, как при оценке ситуации в России.

Таким образом, по итогам ответов на этот вопрос регионы распределились в следующие три группы:

■ Ставрополь — ситуация в регионе в сфере межнациональных отношений гораздо более плохая, чем в России в целом.

■ Краснодар, Адыгея — ситуация гораздо лучше.

■ Ростов-на-Дону — ситуация в регионе такая же, как и в России в целом.

3. Оценка ситуации в своем населенном пункте

Ситуация в собственном населенном пункте большинством респондентов оценивается как вполне удовлетворительная. Средняя оценка — (+1).

Таблица 4

Сводная таблица (оценка ситуации в своем населенном пункте)

Данные	-3	-2	-1	0	1	2	3	Общий итог
Частота	145	110	154	147	118	89	237	1000
%	14,5%	11%	15,4%	14,7%	11,8%	8,9%	23,7%	100%

В ответах на этот вопрос мнения респондентов из разных регионов довольно сильно разделились. Наиболее тревожное состояние у жителей Ставрополя, хотя они и оценивают ситуацию в своих населенных пунктах как несколько

более стабильную по сравнению с ситуацией в регионах, тем не менее уровень этих оценок все же достаточно низок: 70,3% — отрицательные оценки, 37,5% — положительные и 14,2% — "затрудняюсь ответить".

Самая благополучная ситуация, разумеется, в Адыгее. Положительных оценок — 83%, из них 57% — крайне положительных (проблем межнациональных отношений не существует), отрицательных — 9%, ответов "затрудняюсь ответить" — 8%.

В Ростовской области и Краснодарском крае количество положительных и отрицательных оценок примерно одинаковое.

Представление о благополучной обстановке в своем населенном пункте более характерно для жителей сельской местности — 59%, при этом 35% из сельских респондентов уверены, что никаких национальных проблем в их населенном пункте не существует вообще! Среди городских жителей таких оказалось более чем вдвое меньше — 15%.

Вероятно, сельским жителям в большей степени, чем городским, присущ прагматичный взгляд на вещи: если проблема лично тебе и твоей семье не приносит реального ущерба, ее не существует.

Оценки респондентами ситуации в своем населенном пункте практически не зависят от пола, возраста, уровня образования. Некоторое влияние на них оказывает род занятий респондента. Так, наиболее проблемной ситуация межнационального общения представляется безработным — 56,7% отрицательных оценок против 39,9% положительных, а также военнослужащим — 54,5% отрицательных и 36,3% положительных оценок, при соотношениях в прочих группах на уровне 32—44% отрицательных оценок и 41—45% положительных.

Значимое влияние на оценки оказывает также национальность респондента: адыги оценивают ситуацию гораздо более положительно, чем русские. Процент положительных оценок у них 81% ("у нас в республике хорошо, а дома еще лучше!"), в то время как русские ситуацию воспринимают более настороженно: положительную оценку дают ей всего 35%.

Таким образом, если говорить о восприятии респондентами состояния межнациональных отношений в административно-территориальных единицах различного таксономического уровня, можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее проблемной ситуация выглядит в целом в России, наименее — в непосредственном месте проживания респондента, что может свидетельствовать о том, что уровень напряженности не слишком высок. По мнению респондентов, основные конфликты происходят "за околицей" и не имеют к ним непосредственного отношения.

2. В плане межнациональных отношений наиболее благополучным регионом является Республика Адыгея, наименее — Ставропольский край. С одной стороны, это связано с довольно высоким статусом респондентов-адыгов (привилегированная, титульная нация) и информационным вакуумом, в котором находится население республики, с другой стороны — ощущением переднего края, пограничного района у жителей Ставрополя.

3. Социальными субъектами, наиболее остро ощущающими напряженность в сфере национальных отношений, являются русские безработные респонденты со средним и средним специальным уровнем образования. То есть люди, которые оказались наименее адаптированными к условиям рыночной экономики, социально обиженными, а следовательно, гипотетически ориентированными на поиски внешнего врага, в том числе и в сфере межнациональных отношений.

4. Проявления национализма

Вопрос предлагался респондентам в следующей формулировке: “Приходилось ли вам сталкиваться с проявлениями национализма среди представителей своей национальности; среди представителей других национальностей?”.

В качестве ответа предлагалось выбрать один из следующих вариантов: “постоянно”, “часто”, “редко” и “никогда”.

По результатам нашего исследования можно отметить, что большинство респондентов, независимо от их места проживания, социально-демографических и национальных характеристик, либо вообще не сталкиваются с проявлениями национализма со стороны представителей своей национальности, либо сталкиваются изредка.

Таблица 5

Сводная таблица (проявления национализма со стороны представителей своей национальности)

Данные	Никогда	Постоянно	Редко	Часто	Общий итог
Частота	625	22	272	81	1000
%	62,5%	2,2%	27,2%	8,1%	100%

Причем наибольшее количество респондентов — 77,7% никогда не сталкивались с проявлением такого рода национализма именно в самом неблагоприятном Ставропольском крае. Распределения ответов на вопрос, приходилось ли когда-нибудь сталкиваться с национализмом представителей другой национальности, оказались гораздо более разнообразными:

Таблица 6

Сводная таблица (проявления национализма со стороны представителей других национальностей)

Данные	Никогда	Постоянно	Редко	Часто	Общий итог
Частота	487	48	289	176	1000
%	48,7%	4,8%	28,9%	17,6%	100%

Наиболее редко с проявлением национализма сталкиваются адыги: 64% никогда не становились жертвой национальных предпочтений, а 27,5% становились, но изредка. Частым и постоянным преследованиям на национальной почве подвергаются только 8% респондентов из этой республики. Наиболее часто с проявлениями “чужого” национализма сталкиваются жители Ставрополя (см. таблицу 7).

Таблица 7

Проявления национализма (часто + постоянно, региональный аспект)

Регион	Со стороны представителей своей национальности	Со стороны представителей другой национальности
Ростовская область	18,8%	29,2%
Ставропольский край	3,5%	28,6%
Краснодарский край	10,4%	21%
Республика Адыгея	4%	8%

Обращает на себя внимание некий момент равновесия. В большинстве случаев респонденты, отмечая проявления национализма в отношении своей этнической общности, тем не менее признают, что и сами не без греха. Таким образом, национализм в сознании респондентов существует как некая норма жизни, возможно, неприятная, но объективно неизбежная. В таких регионах, как Краснодарский край, Ростовская область и Республика Адыгея, соотношение “обижаем мы — обижают нас” примерно 1:2, что вполне логично, поскольку обида, нанесенная нам, всегда кажется большей, чем та, которую наносим мы сами.

В Ставропольском же крае русские ощущают на себе проявления национализма в 8 раз чаще, чем проявляют его сами. И это наряду с общей тревожной оценкой состояния межнациональных отношений в регионе свидетельствует о достаточно напряженной обстановке именно в сфере межнациональных отношений, во всяком случае в сравнении с другими регионами, где проходило исследование.

Национализм как явление более характерен для города, чем для села. Так, часто и постоянно проявляют национализм 14,1 % горожан и только 5,1% сельских жителей, в то же время и сталкиваются с проявлением национализма в городе чаще, чем в селе: 25,6% горожан и 18% сельских жителей. Возможно, это связано с тем, что в селе каждый человек на виду и в конфликтной ситуации нет необходимости в национальных мотивировках. В конфликтах на национальной почве чаще принимают участие мужчины, чем женщины. Так, постоянно и часто сталкиваются с проявлениями национализма со стороны представителей своего народа 13,9% мужчин и 7,4% женщин, а по отношению к представителям своего народа — 28,2% мужчин и 17,6% женщин. Вероятно, это связано со склонностью мужчин мыслить более обобщенными логическими категориями, в частности объяснять возникновение конфликта национальной принадлежностью респондента, а не его личностными качествами, в которых им разбираться недосуг.

Достаточно четкая связь в данном вопросе прослеживается также с возрастом, образованием и родом занятий респондентов.

Объектами и субъектами национализма чаще становятся люди в трудоспособном возрасте от 18 до 54 лет со средним специальным и высшим образованием, в первую очередь военнослужащие (к которым в нашем исследовании относятся и работники правоохранительных органов), затем безработные и студенты.

Столь большой процент военнослужащих объясняется тем, что по роду своей деятельности они более, чем любая другая социальная категория, вовлечены в процессы межнациональных отношений, причем видят их, как правило, с негативной стороны.

Все остальные категории респондентов в силу своего трудоспособного возраста находятся в рамках довольно жесткой конкурентной борьбы за деньги и рабочие места, причем часто в ситуации аутсайдеров (студенты и безработные). Для этой категории психологически обоснованны поиски внешнего врага, которыми зачастую становятся люди иноэтничного происхождения, добившиеся большего успеха в жизни.

В целом, исходя из ответов респондентов на данный вопрос, можно сделать следующие выводы:

1. В Краснодарском крае, Ростовской области и Республике Адыгея национализм, во всяком случае в сознании представителей основных этносов, существует на бытовом уровне, что вполне закономерно для полиэтничных регионов, и, следовательно, на данный момент не проявляет себя как фактор, угрожающий миру и стабильности в регионах.

2. В Ставропольском крае представителями русского большинства нацио-

нализм по отношению к ним воспринимается как серьезная проблема и, соответственно, может быть использован как веский аргумент при нарастании напряженности в межнациональных отношениях и в возможных конфликтах с применением насилия.

5. Причины возникновения национальных конфликтов

В ходе исследования респондентам задавался вопрос: “Каковы, на ваш взгляд, причины возникновения межнациональных конфликтов?”

Ответ им предлагалось выбрать из 12 вариантов, включавших причины как социально-экономического и политического характера, так и причины психологического, культурологического и религиозно-этического плана. По сути дела, все варианты ответов можно сгруппировать в два блока: причины внешние, объективные (по крайней мере с точки зрения обыденных представлений) и причины внутренние, субъективные. Сам выбор группы вариантов уже характеризует позицию выбирающего: либо причины внутри самого человека, и тогда каждый как бы несет ответственность за свою позицию и свои проявления в вопросах межнациональных отношений, либо причины находятся во внешних обстоятельствах, за которые каждый конкретный респондент ответственности не несет.

Большинство респондентов выбрали вторую группу ответов.

Таблица 8

Сводная таблица (мнение о причинах межэтнических конфликтов)

Данные	Частота	%
8.6 Экономические трудности	558	17,0%
8.4 Деятельность политиков	536	16,3%
8.2 Территориальные споры	369	11,3%
8.11 Слабость органов государственной власти	303	9,2%
8.12 Непрофессионализм руководителей государства	256	7,8%
8.8 Причина конфликтов — в низком уровне общей культуры	240	7,3%
8.1 Конфликты неизбежны — они в человеческой природе	221	6,7%
8.3 Конфликты происходят от непонимания между народами	217	6,6%
8.5 Конфликты являются следствием нарушения религиозных заповедей	178	5,4%
8.7 Недостаточное интернациональное воспитание	166	5,1%
8.10 Деятельность зарубежных стран	122	3,7%
8.9 Подъем национального самосознания	65	2,0%
8.13 Другое	49	1,5%
Итого	3280	100%

На первом месте, как видно из таблицы 8, оказались экономические трудности — категория универсальная и неизбежная, при помощи которой можно объяснить вообще любые негативные явления.

На втором месте — деятельность политиков, которые несут ответственность за все. Причем в данной ситуации речь идет не столько о слабости или непрофессионализме — эти позиции выбирает сравнительно небольшой процент опрошенных, сколько скорее о сознательно вредоносной, противоречащей интересам простых людей деятельности.

На третьем месте — такое вечное понятие, как территория — территориальные споры.

Экономические трудности наибольшее влияние на проблемы в сфере межнациональных отношений оказывают в Ставропольском крае. Их отметили 20%

опрошенных там респондентов. Также на Ставрополье наиболее негативно воспринимается деятельность политиков – 21% по сравнению с 12–15% в других обследованных регионах. Это еще раз подтверждает возникшее в ходе исследования предположение о весьма напряженном по сравнению с соседними регионами состоянии межнациональных отношений в крае.

На выбор вариантов ответа практически не влияет ни пол, ни возраст, ни уровень образования, ни род занятий респондента, что в очередной раз доказывает достаточную монолитность нашего общества в плане патерналистского восприятия социальной жизни.

Вышесказанное позволяет сделать следующий вывод:

1. Несмотря на демократизацию общественной жизни, патернализм по сей день является весьма значимой составляющей индивидуального самосознания, а следовательно, успешность национальной политики на данном этапе будет определяться двумя основными факторами:

1.1. Постоянными, пусть незначительными улучшениями в экономике (или, по крайней мере, демонстрацией этих улучшений) как результатом усилий регионального руководства.

1.2. Наличием “чистых”, некоррупцированных, не связанных в общественном сознании с национальными преступными группировками политиков регионального уровня, обладающих достаточными властными полномочиями.

6. Способы предотвращения межнациональных конфликтов

В этом вопросе респондентам предлагалось выбрать наиболее эффективный с их точки зрения метод решения межнациональных проблем из семи предложенных разработчиками анкеты вариантов или же предложить свои собственные пути решения этих проблем.

Обращает на себя внимание большой процент респондентов, связывающих наличие межнациональных проблем с деятельностью преступных группировок, организованных по национальному признаку. Соответственно, респонденты выбирают силовые пути решения проблем – борьбу с преступными группировками:

Таблица 9

Сводная таблица (способы решения проблем межнациональных отношений)

Данные	Всего	%
9.2. Целенаправленно бороться с преступными группировками, организованными по национальному признаку	516	23,9%
9.1. Создавать для представителей всех народов равные условия жизни	469	21,8%
9.4. Не допускать экономического превосходства одних народов над другими	346	16,0%
9.6. Ограничивать миграцию (въезд на территорию региона для постоянного проживания)	328	15,2%
9.5. Помогать в развитии национальных культур и языков	217	10,1%
9.3. Предоставить возможность для выхода из России всем территориям, которые хотят отделиться	135	6,3%
9.8. Другое	86	4,0%
9.7. Предоставлять преимущества некоторым народам в экономической и политической жизни	59	2,7%
Итого	2156	100,0%

Необходимо отметить, что столь высокий процент респондентов, выбравших именно этот вариант ответа, сформировался в основном за счет жителей Ставропольского края. На Ставрополье такой ответ дали 40,3% респондентов, принимавших участие в исследовании.

В остальных регионах, где обстановка более спокойная и стабильная и нет проблем “прифронтовой зоны”, большинство респондентов склоняются к решению проблем социально-экономическим, мирным путем. Поэтому респондентов, ощущающих разгул национальной преступности и требующих борьбы с ней, в выборке по региону в два раза меньше, чем в Ставропольском крае: 20,9% в Краснодарском крае, 21,3% в Адыгее и 22,2% в Ростовской области.

У респондентов из этих регионов наряду с борьбой с преступными группировками популярны такие меры, как создание для представителей всех народов равных условий жизни: 23,5% — Краснодарский край, 24,5% — Адыгея, 23,8% — Ростовская область, 7,6% — Ставропольский край, а также достаточно популярен довольно утопический, но справедливый с точки зрения простых людей лозунг: “Не допускать экономического превосходства одних народов над другими”.

Еще одна довольно популярная мера — ограничение миграции. За это высказались 20,6% респондентов — жителей Краснодарского края, 23% жителей Ставрополья. В Адыгее и Ростовской области, куда миграция не столь велика, за ее ограничение высказались соответственно 7,9% и 11,8% респондентов. В Адыгее, к слову сказать, наибольший процент респондентов, отметивших, что помощь в развитии национальных языков и культуры — наиболее действенный инструмент стабилизации межнациональных отношений — 17,4%.

Кроме того, некоторые участники опроса дали свои рекомендации по мерам улучшения межнациональных отношений. Примерно половина из них сводится к необходимости улучшать экономическое положение в регионах, а другая половина — к необходимости принимать жесткие меры. Например, такие, как “жесткая диктатура”, “жесткая политика”, “судить Ельцина и Черномырдина”, “вернуть Сталина”, “все маленькие нации ведут антирусскую борьбу” и т.п.

Интересно отметить также весьма невысокий процент респондентов, согласившихся с утверждением о необходимости предоставления преимущества некоторым народам в экономической и политической жизни. Таких в каждом регионе оказалось от 1 до 2 процентов от общего числа жителей региона — участников исследования. Только в Ростовской области количество таких респондентов достигает 5%. Это весьма плохо согласуется с призывами представителей некоторых общественных организаций предоставить преимущества представителям коренного большинства. С другой стороны, этот лозунг может быть непопулярен среди русских респондентов именно в силу сложившегося в годы советской власти стереотипа — предоставлять преимущества малым народам, не являющимся системообразующим этносом.

7. Оценка равенства возможностей народов, проживающих в регионе

Участникам исследования был задан вопрос: “Согласны ли вы с мнением, что все народы, проживающие в вашей республике (крае, области), имеют равные возможности?” В целом около половины респондентов считают, что возможности у всех народов одинаковые:

Таблица 10

Сводная таблица (мнение о равенстве возможностей разных народов)

	Частота	%
1. Да, все народы, населяющие республику (край область), имеют равные возможности	494	49,4%
2. Нет, возможности различных народов неодинаковы	435	43,5%
3. Затрудняюсь ответить	71	7,1%
Общий итог	1000	100%

В то же время распределения ответов на этот вопрос оказались весьма различны по разным регионам:

Таблица 11

Мнение о равенстве возможностей разных народов (региональный аспект)

	Краснодарский край		Республика Адыгея		Ростовская область		Ставропольский край		Итого %
	Частота	%	Частота	%	Частота	%	Частота	%	
1. Да, все народы, населяющие республику (край область), имеют равные возможности	153	45,4%	151	75,5%	152	52,8%	38	21,7%	49,4%
2. Нет, возможности различных народов неодинаковы	160	47,5%	39	19,5%	110	38,2%	126	72%	43,5%
3. Затрудняюсь ответить	24	7,1%	10	5%	26	9%	11	6,3%	7,1%
Общий итог	337	100%	200	100%	288	100%	175	100%	100%

Как видно из таблицы, “равнее всех” адыги, что вполне понятно, поскольку в Республике Адыгея представители этого этноса находятся фактически в привилегированном положении, которое их вполне удовлетворяет. Тем не менее довольно большой процент респондентов в этой республике считают, что возможности неодинаковы для всех национальных групп.

В Краснодарском крае и Ростовской области в пользу потенциального равенства возможностей высказалась примерно половина участников нашего опроса. При этом не надо забывать, что, как правило, говоря о равенстве возможностей, респонденты в первую очередь имеют в виду лично себя и людей своей национальности. Поэтому речь идет о равных возможностях в первую очередь для русского населения (за исключением Республики Адыгея). И в этом смысле результаты исследования весьма показательны: по крайней мере половина респондентов из относительно благополучных регионов, таких, как

Краснодарский край и Ростовская область, считают, что на своей собственной территории они обладают меньшими возможностями, чем представители других этносов. А в самом неблагоприятном Ставропольском крае считают, что возможности изначально неравны, 72% респондентов! Неравенство возможностей — это, как правило, неравенство в их реализации, поскольку признать, что кто-то реализовал эти возможности лучше, чем ты, чрезвычайно сложно психологически. Если у соседа лучше дом — это означает, что изначально у соседа было больше возможностей (денег, связей, материалов), чтобы его построить.

Следует отметить еще и такой момент: распределение ответов по шкале “существует равенство всех народов” — “равенства не существует” практически не связано с социально-демографическими характеристиками респондентов. Вполне возможно предположить, что это ощущение лежит в рамках такого уровня самоидентификации, как этничность. Соответственно, неравенство возможностей индивидуума в данном случае ассоциируется с неравенством возможностей этноса (в данном случае в первую очередь русского этноса) в целом.

Ощущение неравенства этносов, ущемленного состояния своего народа — довольно серьезный признак этнического конфликта. Это своего рода счета, которые накапливаются, чтобы быть предъявленными к оплате либо этнической группе, чьи возможности “более равны”, либо представителям властных структур, которые прямо или косвенно виноваты в том, что это неравенство существует.

8. Оценка положения своего народа

Идея неравенства еще раз уточняется и объективируется респондентами при оценке положения своего народа. В опросном листе им предлагалась шкала из пяти позиций, где 1 означало очень низкое положение, а 5 — очень высокое.

Общее распределение оценок выглядит следующим образом:

Таблица 12

Сводная таблица (оценка положения своего народа)

Данные	1	2	3	4	5	Общий итог
Частота	214	304	331	116	35	1000
%	21,4%	30,4%	33,1%	11,6%	3,5%	100,0%

Однако ситуация весьма различается по регионам. Так, например, в Адыгее процент положительных оценок (4,5) достаточно высок — 28,5%, здесь же самое большое количество респондентов предпочли нейтральную оценку 3 — 43,5%, а недовольных положением своего народа (оценки 1 и 2) оказалось тоже достаточно много — 28%.

В славянских же регионах процент респондентов, не удовлетворенных положением своего народа, чрезвычайно велик и довольно точно соотносится с

процентом респондентов, считающих, что в их регионе не существует подлинного равенства возможностей для всех народов:

Таблица 13

Оценка положения своего народа (региональный аспект)

Данные		1	2	3	4	5	Общий итог
Частота	Краснодарский край	84	82	129	36	6	337
	Республика Адыгея	28	28	87	40	17	200
	Ростовская область	66	132	65	20	5	288
	Ставропольский край	36	62	50	20	7	175
%	Краснодарский край	24,9%	24,3%	38,3%	10,7%	1,8%	100%
	Республика Адыгея	14,0%	14,0%	43,5%	20,0%	8,5%	100%
	Ростовская область	22,9%	45,8%	22,6%	6,9%	1,7%	100%
	Ставропольский край	20,6%	35,4%	28,6%	11,4%	4,0%	100%
Итого Частота		214	304	331	116	35	1000
Итого %		21,4%	30,4%	33,1%	11,6%	3,5%	100%

Интересно отметить, что наибольший процент респондентов недоволен положением своего народа в сравнительно благополучной Ростовской области. В то же время в Ставропольском крае, напротив, оценки положения своего народа даются несколько более высокие. На первый взгляд, это довольно парадоксально: возможности этноса ограничены, а вместе с тем положение этноса далеко не низкое. Такое противоречие, вполне возможно, является одним из косвенных показателей подъема национального самосознания: “У нас меньше возможностей по сравнению с другими народами, но мы выше, потому что мы... (коренное население, великая нация, христиане и т. п.)”. Причем, на наш взгляд, этот процесс направляется и катализируется деятельностью общественно-политических структур.

10. Оценка собственного положения

По такой же шкале от 1 до 5 респондентам предлагалось оценить собственное положение. Оно, по мнению респондентов, несколько лучше, чем положение этноса в целом.

Таблица 14

Сводная таблица (оценка собственного положения респондента)

Данные	1	2	3	4	5	Общий итог
Частота	148	237	396	170	49	1000
%	14,8%	23,7%	39,6%	17,0%	4,9%	100,0%

Особенно это несколько лучшее положение респондентов отмечается в Ростовской области, где собственное положение оценивается намного лучше, чем положение собственного народа. Так, общий процент крайне отрицательных оце-

нок в этом регионе уменьшился с 22,9% до 9,4%, а положительных, напротив, увеличился с 8,6% до 21,6%. В остальных же регионах оценки положения своего народа и своего собственного положения в достаточной степени близки.

Таблица 15

Собственное положение респондента (региональный аспект)

Данные		1	2	3	4	5	Общий итог
Частота	Краснодарский край	60	75	135	54	13	337
	Республика Адыгея	19	37	91	41	12	200
	Ростовская область	27	80	119	52	10	288
	Ставропольский край	42	45	51	23	14	175
%	Краснодарский край	17,8%	22,3%	40,1%	16,0%	3,9%	100%
	Республика Адыгея	9,5%	18,5%	45,5%	20,5%	6,0%	100%
	Ростовская область	9,4%	27,8%	41,3%	18,1%	3,5%	100%
	Ставропольский край	24,0%	25,7%	29,1%	13,1%	8,0%	100%
Итого Частота		148	237	396	170	49	1000
Итого %		14,8%	23,7%	39,6%	17,0%	4,9%	100%

Такая ситуация в Ростовской области, вполне вероятно, связана с относительной стабильностью этого региона. С одной стороны, Ростовская область не является этническим государством в государстве, как, например Адыгея, где высокое положение титульного народа автоматически означает высокое положение людей, принадлежащих к этому народу (по крайней мере в их собственном сознании). С другой стороны, область не является пограничным регионом, как Ставрополье, или зоной активной миграции, как Краснодарский край. Следовательно, отношения с другими этническими группами не столь напряженные и антагонистичные. Поэтому можно предположить, что в сознании жителей Ростовской области фактор собственной этнической принадлежности не играет столь существенной роли (нет того, против кого стоило бы дружить). Соответственно, собственное положение и положение своего народа рассматриваются как некие весьма удаленные друг от друга категории.

Если же говорить о социально-демографических характеристиках наших респондентов, то следует отметить, что женщины немного больше удовлетворены своей жизнью, чем мужчины, пожилые, “кому за 70”, и молодые выше оценивают свое собственное положение, чем люди среднего возраста. Более высоко оценивают свое положение респонденты с высшим и неоконченным высшим образованием. Из социальных категорий самые “несчастливые” — домохозяйки, самые “высокопоставленные” — студенты.

В целом, анализируя степень удовлетворенности своим положением и положением своего народа, можно сделать следующие краткие выводы:

1. Представление о высоком статусе своей этнической группы возникает либо в ситуации наличия реальных этнических привилегий, либо в ситуации, предшествующей лобовому столкновению этноса с враждебным ему окружением. Как правило, это наблюдается в фазе организации и националистической идеологизации самого многочисленного и сильного этноса, имеющего исторические права на данную территорию.

2. В условиях агрессивного, враждебного этнического окружения и соответствующего нарастания социально-экономических проблем возрастает роль и значение этнической самоидентификации: собственное положение в жизни четко ассоциируется с положением своего народа, напротив, в более спокойной и стабильной ситуации на первое место в сознании выходят индивидуальные ценности и ориентиры. В этом случае собственное положение в жизни не детерминируется в сознании человека положением этнической группы, к которой он принадлежит.

11. Перспектива выхода региона из состава России

Участникам исследования было предложено оценить возможность выхода региона из состава России по шкале от (-3) — совсем невероятно до (+3) — наиболее вероятно.

В настоящее время большинство из опрошенных нами респондентов категорически отрицают эту возможность. 75% отметили в своих ответах позицию “совершенно невероятно”:

Таблица 16

Сводная таблица (мнение о возможности выхода региона из состава России)

Данные	-3	-2	-1	0	1	2	3	Общий итог
Частота	750	58	36	91	39	15	11	1000
%	75%	5,8%	3,6%	9,1%	3,9%	1,5%	1,1%	100%

В распределении ответов по регионам можно отметить следующую закономерность: в благополучных регионах, таких, как Адыгея и Ростовская область, люди занимают позицию менее жесткую, вопрос о выходе из России, во всяком случае для некоторых респондентов, может быть поставлен на повестку дня. В Краснодарском и Ставропольском краях, где межнациональные отношения более напряженные и конфликтные, русское большинство видит будущее регионов только в составе России, по-видимому, считая, что федеральные органы управления являются гарантом мира и стабильности в регионе:

Таблица 17

Мнение о возможности выхода региона из состава России (региональный аспект)

Данные	Регион	-3	-2	-1	0	1	2	3	Общий итог
Частота	Краснодарский край	279	16	3	29	5	1	4	337
	Республика Адыгея	148	14	6	20	6	1	5	200
	Ростовская область	167	24	25	39	25	8		288
	Ставропольский край	156	4	2	3	3	5	2	175
%	Краснодарский край	82,8%	4,7%	0,9%	8,6%	1,5%	0,3%	1,2%	100%
	Республика Адыгея	74%	7%	3%	10%	3%	0,5%	2,5%	100%
	Ростовская область	58%	8,3%	8,7%	13,5%	8,7%	2,8%	0%	100%
	Ставропольский край	89,1%	2,3%	1,1%	1,7%	1,7%	2,9%	1,1%	100%
Итого Частота		750	58	36	91	39	15	11	1000
Итого %		75%	5,8%	3,6%	9,1%	3,9%	1,5%	1,1%	100%

С этим вопросом тесно связан вопрос о личном отношении респондентов к перспективе выхода региона из состава России. Совершенно закономерно, что здесь распределение ответов практически совпадает с предыдущим вопросом.

Таблица 18

**Личное мнение респондентов о возможности выхода региона
из состава России**

Данные	-3	-2	-1	0	1	2	3	Общий итог
Частота	819	42	25	57	27	19	11	1000
%	81,9%	4,2%	2,5%	5,7%	2,7%	1,9%	1,1%	100,0%

Таким образом, можно со всей определенностью сказать, что в настоящее время проблема регионального сепаратизма в сознании респондентов на повестке дня не стоит.

12. Влияние казачества на межнациональные отношения

Вопрос о влиянии казачества очень неоднозначен в различных регионах. Но достаточно большой процент респондентов считают, что это влияние есть и оно скорее положительное, чем отрицательное. Во всяком случае, так считают 38,8% участников нашего опроса. Еще 40,3% не могут определиться в своем отношении к этому движению, 21% считает, что казачество оказывает отрицательное влияние на состояние межнациональных отношений.

Таблица 19

**Сводная таблица (мнение о влиянии казачества на состояние
межнациональных отношений)**

Данные	-3	-2	-1	0	1	2	3	Общий итог
Частота	88	42	80	403	162	136	89	1000
%	8,8%	4,2%	8%	40,3%	16,2%	13,6%	8,9%	100%

Безусловно, очень большое влияние на отношение к казачьему движению оказывает регион проживания респондента. Так, наибольшим влиянием казачьи общества пользуются в Ставропольском крае, где они, по всей видимости, рассматриваются как славянский ответ национальным преступным группировкам.

Весьма сильные позиции казаков также в Краснодарском крае и Ростовской области, менее положительно воспринимается их деятельность респондентами-адыгами, но даже в этом регионе 27% респондентов отметили положительную роль казачества в стабилизации межнациональных отношений.

Таблица 20

**Мнение о влиянии казачества на состояние межнациональных отношений
(региональный аспект)**

Данные	Регион	-3	-2	-1	0	1	2	3	Общий итог
Частота	Краснодарский край	39	16	32	140	46	35	29	337
	Республика Адыгея	26	9	8	103	30	20	4	200
	Ростовская область	18	13	35	98	49	55	20	288
	Ставропольский край	5	4	5	62	37	26	36	175

%	Краснодарский край	11,6%	4,7%	9,5%	41,5%	13,6%	10,4%	8,6%	100%
	Республика Адыгея	13%	4,5%	4%	51,5%	15%	10%	2%	100%
	Ростовская область	6,3%	4,5%	12,2%	34%	17%	19,1%	6,9%	100%
	Ставропольский край	2,9%	2,3%	2,9%	35,4%	21,1%	14,9%	20,6%	100%
Итого Частота		88	42	80	403	162	136	89	1000
Итого %		8,8%	4,2%	8%	40,3%	16,2%	13,6%	8,9%	100%

Популярность казачьего движения связана не столько с его реальным вкладом в противостоение этнической преступности, сколько с той ролью, которую казачество играет в качестве живой истории в регионах, напоминая, что южные рубежи России изначально были зоной активных и достаточно конфликтных этнических контактов с кавказскими народами, своеобразным щитом, прикрывающим границы России. Поэтому в общественном сознании у южных регионов особая историческая судьба: и чеченская война, и напряженная, взрывоопасная ситуация в сопредельных кавказских республиках, и проникновение вооруженных преступных групп на российскую территорию — это не внезапный кошмар, это все та же неоконченная Кавказская война, которую вели предки коренного населения региона и в которой так или иначе суждено участвовать и им.

Казачество — это для многих жителей региона символ единства поколений, способности этноса отстаивать свои жизненные интересы с помощью силовых методов, коль скоро не действуют другие аргументы.

С другой стороны, нельзя не отметить достаточное количество респондентов, которые затруднились дать оценку влиянию казачества на межнациональные отношения.

Процесс, получивший название “возрождение казачьего движения”, начался свыше 10 лет назад. За этот период многие казаки объединения себя дискредитировали: кто-то превратился в фольклорный ансамбль, кто-то использует казачий “лейбл” для ведения активной коммерческой деятельности, и т.п.

Поэтому можно сделать вывод о том, что:

1. Влияние казачества — это скорее влияние некоей идеи исторического, сильного патриотизма, довольно плохо воплощенной в жизнь.

2. При серьезном реформаторском подходе к казачьему движению оно имеет перспективы превратиться в реальную политическую силу.

3. Социальный портрет типичного представителя “группы поддержки” казачьего движения: мужчина, 35—55 лет, со средним специальным или высшим образованием, социально неадаптированный, скорее всего, безработный. То есть та самая категория людей, которая максимально нуждается в групповой поддержке и способна к достаточной активности в условиях групп при наличии сильного, авторитетного лидера.

13. Отношение к возможности выхода некоторых регионов из состава России

Свое отношение к этой проблеме респондентам было предложено определить при помощи выбора одного из трех вариантов ответа, наиболее точно соответствующего их личному мнению. Большая часть респондентов — 55,2%

считают, что территориальная целостность России должна быть сохранена, но не хотят платить за это кровью. 25,1% — более последовательны, придерживаясь золотого принципа демократии: “не нравится — не ешь”, то есть если они хотят, то пусть получают независимость. Только 13,8% готовы “стоять до конца” и при необходимости предотвратить распад России даже очередной войной:

Таблица 21

Отношение к распаду России

Вариант ответа	Частота	%
1. Если они хотят, то пусть получают независимость	251	25,1%
2. Необходимо любыми средствами, в том числе военными, предотвратить распад страны	138	13,8%
3. Выход территорий из состава России нежелателен, но предотвращать его нужно только мирными средствами	552	55,2%
4. Затрудняюсь ответить	59	5,9%
Общий итог	1000	100%

Итак, поскольку говорить о территориальной целостности вообще нет смысла, если нет готовности пойти в этом деле до конца, то мы позволим себе приблизительный прогноз реакции общественного мнения в регионе в том случае, если помимо чеченского конфликта на Кавказе возникнут и другие очаги военного противостояния (что вполне возможно):

“Миротворцы” — выступающие за целостность России, но без военного противостояния, скорее всего, примут необходимость вооруженного конфликта, но при условии, что ему будет предшествовать серьезное идеологическое обоснование с акцентом на защиту безопасности и гуманитарных ценностей. Тем не менее около 10 процентов предпочтут территориальные потери военным действиям. 13,8%, готовых к тому, что в конфликте может применяться военная сила, сохранят свои позиции, а группа “либералов” несколько расширится за счет перешедших к ним “миротворцев”. Реальность такого рода прогноза в достаточной степени подтверждается позицией наших респондентов по поводу военных действий, ведущихся в настоящий момент на территории Чечни.

14. Отношение к военным действиям в Чечне

Участникам исследования предлагалось из трех вариантов ответа выбрать то, что в наибольшей степени соответствовало их мнению. В целом распределение ответов выглядит следующим образом:

Таблица 22

Сводная таблица (отношение к военным действиям в Чечне)

Варианты ответов	Частота	%
Мне все равно	29	3%
Руководство России должно немедленно прекратить войну	449	45%
Руководство России должно обязательно довести до конца военную операцию в Чечне	522	52%
Общий итог	1000	100%

В ответе на данный вопрос чрезвычайно большую роль сыграл фактор национальной принадлежности респондента. Если русские респонденты в подавляющем большинстве считают, что войну нужно продолжить, то 80% адыгов из числа принимавших участие в исследовании считают, что война должна быть немедленно прекращена. Эта цифра достаточно красноречиво свидетельствует о том, что Адыгея — регион далеко не столь однородный и, возможно, не столь лояльный к федеральному центру, как стремилось уверить общественность бывшее руководство республики.

Таблица 23

Отношение к военным действиям в Чечне (региональный аспект)

Варианты ответов	Краснодарский край		Республика Адыгея		Ростовская область		Ставропольский край		Итого Частота	Итого %
	Частота	%	Частота	%	Частота	%	Частота	%		
Мне все равно	13	3,9%	1	0,5%	11	3,8%	4	2,3%	29	2,9%
Руководство России должно немедленно прекратить войну	104	30,9%	161	80,5%	129	44,8%	55	31,4%	449	44,9%
Руководство России должно обязательно довести до конца военную операцию в Чечне	220	65,3%	38	19,0%	148	51,4%	116	66,3%	522	52,2%
Общий итог	337	100%	200	100%	288	100%	175	100%	1000	100%

Если обратиться к “русским” регионам, то из данного исследования видно, что популярность силового метода решения конфликта значительно возросла по сравнению с 1995 годом. По мере укрепления государственной власти большую популярность приобретают идеи территориальной целостности, авторитета государственной власти, которая не желает мириться с наличием на своей территории вооруженных бандформирований, не желает оставлять безнаказанными факты терроризма. На данном этапе эти идеи заполняют собой вакуум, образовавшийся от отсутствия государственной идеологии, что оказывает весьма эффективное консолидирующее воздействие на разрозненные сообщества, занятые преимущественно добыванием пищи.

Таким образом:

1. Большинство респондентов “русских” регионов поддерживают политику федерального центра: “Война до победного конца”.

2. Ситуация в Адыгее в значительной степени закрыта, а следовательно, непредсказуема, что весьма опасно в плане обеспечения мира и стабильности в регионе.

3. Респонденты “русских” регионов поддержат в случае необходимости дальнейшую эскалацию боевых действий, но только в том случае, если будет наглядно продемонстрировано, что мирные методы решения конфликта исчерпаны и военное противостояние необходимо в интересах целостности государства, с одной стороны, и защиты общечеловеческих гуманитарных ценностей — с другой.

Отчет о проведении фокус-группового исследования: “Диагностика состояния межнациональных отношений в городе Краснодаре”

Исследование проводилось в Краснодаре 26—29 сентября 2001 года

Всего проведено четыре фокус-группы следующего состава:

1. Эксперты — руководители национально-культурных объединений ЦНКК: грузинская община, ассирийская община, общество молдавской культуры, курдская община, “Союз женщин-казачек”, “Общество еврейской культуры”, “Общество армянской культуры имени М. Маштоца”, абхазская община.

2. Молодежь — славяне 18—25 лет, смешанная группа, 50% женщин, 50% мужчин. 50% с высшим, 50% со средним и среднеспециальным образованием.

3. Славяне, 30—55 лет, смешанная группа, 50% женщин, 50% мужчин. 50% с высшим, 50% со средним и среднеспециальным образованием.

4. Армяне, 30—55 лет, смешанная группа, 50% женщин, 50% мужчин. 50% с высшим, 50% со средним и среднеспециальным образованием.

Модератор: Виктория Юрьевна Реммлер.

1. Особенности города и особенности жителей

В русской и армянской группах образы города и края получились практически противоположными. Для армян это город приветливый, с мягким климатом, с добродушными людьми — типичный южный город, в котором “многонациональность, свобода общения, дружеская атмосфера, никаких расовых дискриминаций”, “климат очень мягкий и люди похожи на климат, тоже очень мягкие”. Впрочем, на субъективном уровне напряженность ощущается в высказываниях уже этой группы: “В транспорте, на улице видишь иной раз лицо... какое-то внутреннее беспокойство, какая-то напряженность, какая-то тревога есть”.

Славяне же воспринимают город в большей степени как агрессивный, ностороженный, в котором люди заняты поиском денег на хлеб насущный: “Когда просто идешь по городу и что-то нечаянно сделал, столько агрессии выливается на тебя — в основном со стороны людей от 40 лет и старше”; “У нас люди, конечно, стараются зарабатывать деньги, но стараются для себя, никакой благотворительности, никакого альтруизма, вот этим мы и отличаемся” (молодежная группа); “Здесь люди привыкли работать на земле, люди более сильные, агрессивность присуща силе, и поэтому это наша черта” (мужчины-славяне). Присущая городу настороженность связана для мужчин-респондентов в первую очередь с тем, что город и край воспринимаются как приграничный регион. Слово “приграничный” — ключевое слово для мужчин — участников славянской группы: “Характеризует край сам по себе то, что в окружении очень много границ и, соответственно, очень много беженцев”. Большое количество приезжих иных национальностей отмечается и в группе молодежи: “У нас существуют костяки, может быть, даже национальные костяки. В каком-то районе идет преобладание русского населения, в каком-то районе — адыгей-

ского, то же самое можно сказать о других национальностях”.

При спонтанных характеристиках города респонденты-женщины из славянской группы используют в первую очередь слово “богатый”: “богатый город, богатый край”. Вместе с тем отмечается, что город грязный, неухоженный: “У нас много лени, видно абсолютное пренебрежение к городу, нелюбовь к нему”; “Город с каждым днем все больше и больше становится похож на большую станицу, на станичный базар: шелуха на улицах, множество приткнутых куда попало машин, магазины на западный образец соседствуют с тетками в грязных фартуках, которые продают несвежие пирожки”. Проблемы межнационального общения в характеристиках города женщинами-респондентами практически не обозначены.

В группе экспертов наиболее яркой характеристикой города является милицейский беспредел, особенно в отношении “лиц кавказской национальности”, усиление ксенофобских настроений на бытовом уровне, в отношениях между соседями, в школах и т.п.: “Останавливают часто и грубо именно лиц “кавказской” национальности. Часто мы не можем дождаться наших педагогов, их останавливают на улицах, берут с них деньги”; “Я провожал старого человека из Армении, он ехал в Армавир через Краснодар. Вышел с поезда, конечно, регистрации у него нет, он слепой, он и с вокзала не выходил, с поезда на автобус пересаживался. Остановили, стали требовать денег. Слава Богу, 200 рублей хватило, а то могли на автобус опоздать. Как будто следили, подошли к самой посадке, когда автобус уже стоял на отправке”.

Разница в восприятии города, по-видимому, объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, респонденты армянской группы еще не чувствуют себя достаточно своими, местными, чтобы позволить себе критиковать город, в котором они находятся как бы в гостях. Во-вторых, это связано со стремлением в некоторой степени избежать проблем, закрывая глаза на их существование. И, наконец, в-третьих, нужно учитывать то обстоятельство, что большинство армян-переселенцев, особенно из последних миграционных волн, все же больше общаются внутри своей диаспоры, а значит, воспринимают ситуацию в городе через призму отношений внутри нее. Эти отношения основаны, несмотря на все имеющиеся противоречия, на национальной поддержке. Эксперты же — за счет того, что проживают в городе более длительное время и имеют определенный статус, позволяющий и даже предписывающий им говорить о проблемах, существующих во взаимоотношениях этнических групп и местного, коренного населения.

Респонденты молодежной группы достаточно часто вступают во взаимодействие с представителями иноэтничных групп. При этом ни с той, ни с другой стороны еще нет достаточного опыта такого взаимодействия и, соответственно, нет готовности идти на компромиссы. Поэтому для молодежи напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений является одной из ключевых характеристик города.

Мужчины также довольно остро ощущают приток в город людей неславянской национальности — в первую очередь потому, что их иммиграционная сплоченность, дешевизна на рынке рабочей силы и теневой способ ведения бизнеса создают серьезную конкуренцию. Для женщин же, которые давно проиграли мужчинам конкурентную борьбу за рабочие места, среди городских проблем проблемы межнациональных отношений существенной роли не играют.

2. Рейтинг национальных групп

Во всех группах рейтинги национальных групп в крае выстраивались скорее не по численности, а по степени их влияния на межнациональные отношения. Таким образом, все респонденты единогласно выстроили следующие “лестницы”:

- русские
- адыги
- армяне.

В группе экспертов и группе славян-взрослых в рейтинг крупных этнических групп включились еще и турки-месхетинцы. Причем в обеих группах отмечалось негативное влияние этой группы на обстановку в крае: “Много приехало турок, квартиры в городе выкупают, а нам жить негде”; “У них слишком ярко выраженный торговый бизнес, они богатеют за наш счет” (славяне). В экспертной группе, представителям которой достаточно часто приходится принимать участие в урегулировании межнациональных конфликтов на местах, в адрес турок-месхетинцев довольно много претензий. Сюда в первую очередь относятся нежелание турок заниматься производительным трудом: “Они не работают, а “крутятся”, у них женщина дома сидит, а мужчина должен их большие семьи обеспечить. Ну если у тебя такая семья, которую чтобы прокормить, надо нарушать закон, то пусть жена работает, помогает мужу семью содержать” (эксперты). Довольно много эмоций в этой группе вызвала ситуация в Крымском районе, где турки потребовали обучения в начальных классах на турецком языке, мотивируя это тем, что младшие классы в основном состоят из детей турок-месхетинцев.

В целом экспертами отмечается наличие у турок претензий если не на национальную, то, во всяком случае, на некую культурную автономию: “Они хотят жить здесь по своим законам, а не по законам приютившего их народа”.

Адыги среди молодежной и армянской групп положительно характеризуются на уровне индивидуальных контактов. Но на уровне групповых контактов отмечается некоторое высокомерие: “Каждый сам по себе — это обычный человек, а вот когда их двое-трое — это уже нечто обособленное” (молодежь). “Они считают себя чуть ли не выше русских и относятся к армянам так же, как и русские, пренебрежительно и высокомерно” (армяне).

В ходе групповых дискуссий всеми группами респондентов были четко выделены две основные конфликтующие этнические группы: русские и армяне. “Армянская национальность — они довольно сплоченные, и у них образ жизни клановый. Если один приехал, хорошо устроился — он весь свой клан перевезет и обустроит его так, чтобы всем было хорошо”. И, видимо, вот это русских раздражает — их сплоченность и то, что “наша национальность — она самая лучшая, самая хорошая” (молодежь). Респонденты из молодежной группы связывают данный конфликт с особенностями армянской миграции на Кубань, предполагая, что присущая армянам клановость — это явление, вообще характерное для ранних стадий миграции, складывания диаспоры и внедрения этой диаспоры в социально-культурный контекст на новой, осваиваемой мигрантами территории: “Эта ситуация более характерна вообще для ранней миграции, точно в таком же положении русские в Калифорнии”.

Во “взрослой” славянской группе претензии в адрес армян имеют в основе своей скорее характер экономической конкуренции. Их обвиняют в том, что армяне монополизируют бизнес, пользуясь ресурсами, накопленными еще во

времена “цеховиков” и нелегально перекачиваемыми на Кубань, в то время как сами обладатели этих ресурсов приезжают на Кубань под видом бедных беженцев.

Как это ни странно, респонденты из армянской группы не связывают проявление негативного отношения к ним конкретно со своей этнической общностью. В большинстве своем они считают, что становятся жертвами негативного отношения к ним как к “лицам кавказской национальности”, по ассоциации с чеченскими террористами и преступниками из национальных группировок. По мнению экспертов, русско-армянские отношения — это скорее знаковый конфликт, когда одни и те же слова и действия воспринимаются по-разному представителями этих двух культур. В качестве примера приводилась недавняя ситуация в станице Казанской, когда конфликт на дискотеке перерос в национальный конфликт — именно потому, что неверно интерпретировались действия с обеих сторон: “Да там вообще не поймешь, кто-то чью-то девушку пригласил. Русские говорят: “Она с нашим пришла”, армяне: “С нашим”, а девушка вообще говорит, что она сама по себе. Ну и поехал, кто-то на кого-то косо посмотрел, и начался конфликт. В основном в молодежной среде это начинается. Потому что не учат их в школе, что надо уважать традиции друг друга”.

3. Факторы, определяющие национальность

В русских группах понятие национальности довольно жестко детерминировано в сознании респондентов такими внешними, относительно объективными характеристиками, как происхождение — кровь, язык, внешний вид: “Один человек относит себя к той национальности, каковы его корни, другого — надо посмотреть, к кому он будет тянуться, если попадет в общество людей разных национальностей. Кровь даст себя знать” (молодежь). “Если человек кожаную куртку заправляет в спортивные штаны и на носки шлепки надевает, то это признак какой-то национальности, но явно не русской!” (молодежь). “Главное, какие у него фамилия, имя и отчество, какая история семьи. Вот и еще важно, что у него в паспорте записано, хоть сейчас национальности и отменили” (славяне). В молодежной группе большинство респондентов, помимо внешнего вида, отмечают значимость такого фактора, как самосознание, среда, в которой воспитывался человек: “В какой среде воспитывался человек — той национальности он и есть”, что, вероятно, свидетельствует о некоей ситуации несостоявшегося окончательного выбора между национальными, этническими компонентами самосознания и наднациональными. По всей видимости, конечный выбор во многом будет зависеть от дальнейшего развития социально-экономической ситуации в регионе: чем хуже она будет, тем активнее будет “сбивание в стаи” по национальному признаку. Чем лучше и, соответственно, больше возможностей для проявления индивидуальной, личностной активности — тем меньше будет потребность в этнической идентификации за счет четкого разграничения понятий “мы” и “они” как некоей природной данности.

Интересно отметить, что в армянской группе как раз, наоборот, в первую очередь в качестве этнического определителя отмечается фактор самосознания. Вопрос о знании родного языка как факторе, определяющем принадлежность человека к армянскому этносу, достаточно активно дискутировался в группе. Причем любопытно отметить такую деталь: для армян, уже не в первом поколении проживающих на территории Кубани или приехавших достаточно

давно и удовлетворенных своим социальным статусом и материальным положением, ни фактор языка, ни фактор соблюдения культурных традиций решающей роли не играют, а обретение этнической идентичности происходит скорее через контакты с представителями других этносов: “Как я узнал, что я армянин? А я пока не пошел в школу, и не знал этого, дома у нас разговаривали по-русски. А вот в школе мне русские сказали, что я армянин”.

Для вновь же прибывших армян поддержка своей этнической группы, сплоченность, основанная на национальном признаке, чрезвычайно важна для адаптации, поэтому их позиция весьма жесткая: “К сожалению, люди (армяне), прожившие здесь два или три поколения, не знают языка и в основном говорят по-русски, они не понимают тех проблем, которые привносят сюда те же беженцы, те же приезжающие сюда люди, которые развиваются, занимаются трудом, бизнесом. Они считают, что тем самым нарушается привычный ход их жизни”. Именно эта группа иммигрантов считает необходимым подчеркивать национальные, культурные и религиозные особенности армян, в частности, создавать национальные школы с обучением на армянском языке, издавать армянскую газету и в конечном счете создать четко структурированную армянскую диаспору со своими институтами — как культурными, так и социально-экономическими, и официально признанными формами межпоколенной трансляции этничности.

В группе экспертов вопрос о факторах, определяющих национальность человека, вызвал интерес — скорее как повод лишний раз поговорить о дискриминации представителей иных, неславянских этнических групп, причем не со стороны обычных людей, а скорее со стороны представителей органов правопорядка и государственного управления.

4. Характеристики русских

Самохарактеристики русских респондентов и характеристики, которые давались русскому этносу в целом респондентами из армянской группы, в большинстве аспектов совпадают. Причем зачастую они даже как бы перекрещиваются, то есть качества, которые обычно русские приписывают армянам, такие, как, например, коллективизм, склонность к взаимопомощи, армяне приписывают русским. Иногда же эти характеристики бывают прямо противоположными, причем негативный характер они носят со стороны русских, а позитивный — со стороны армян. Так, русские отмечают у себя отсутствие сплоченности: “Другие народы друг за друга горой, а мы, русские, всегда разрозненны” (славяне). Армяне считают, что, наоборот, “русский человек всегда своему другу поможет, никогда своего в беде не оставит”. Русские отмечают возросшую в последнее время национальную нетерпимость: “Здесь, на Кубани, нетерпимость национальная. Черный — значит черный” (молодежь). Армяне же говорят о толерантности, доброжелательном отношении к другим народам: “Чтобы спокойно смотреть на то, что творится здесь, в Краснодарском крае, нужно иметь большую терпимость... Я имею в виду, что мягкий южный климат, он привлекает все южные народы, они считают, что здесь спокойно, что можно жить, заниматься своим делом, торговать, сравнительно легко решаются проблемы с регистрацией и пропиской” (армяне). То, что русские респонденты отмечают в качестве своего недостатка — чрезмерную доверчивость и простодушие: “Русский всегда готов помочь, если просят, русского человека уговорить бесплатно поработать вообще ничего не стоит”, армяне считают спо-

собностью к эмпатии: "... очень сильно чувствует боль и трагедию другого человека и готов помочь ему".

И русские, и армяне единодушно среди недостатков, присущих русскому этносу, называют алкоголизм и лень. Так выразил свое мнение один из респондентов-армян: "Человек, лежащий на улице, в частности в Краснодаре, — для меня это был шок. Никто не подойдет, никто не обращает внимания, даже милиция".

Помимо этого русские признают такой недостаток у своего народа, как транжирство (положительным аналогом которого является щедрость) и вороватость, что, по словам одного из респондентов славянской группы, тоже не является недостатком, поскольку характеризует русского человека как рачительного хозяина, хорошего семьянина: "Все в дом!".

Для молодежи наиболее значимыми характеристиками русского человека являются верность в дружбе — "желание сделать другому хорошо": "Для меня образцами типичных русских людей являются герои фильма "Особенности национальной охоты", где Лева Соловейчик за друга Серегу готов был медведя пытаться, и он его бы расколол. А генерал! Это ум, энциклопедическая образованность!" (молодежь). Для более взрослых людей основными русскими ценностями являются патриотизм, верность, преданность. Положительные образы — Андрей Соколов, матросы с крейсера "Варяг", герои фильма "Офицеры".

Вместе с тем, по мнению респондентов из молодежных групп, "русский человек — простой и скромный, не крутой". Вот какой портрет "типичного русского человека" дала одна из участниц этой группы: "Начнем с утра: обычный день, звонит будильник, мы пытаемся собраться, пойти на работу, учебу, но все понимают, что усилия напрасны и мы можем плюнуть и остаться дома, но если что-то важное, он обязательно поднимется и будет делать. Когда я говорю "русский человек", он почему-то не ассоциируется у меня с бизнесменом или дипломатом. Это работяга или просто человек, который хочет в чем-то найти себя: в бизнесе или еще в чем-то, но у него не получается, ну не получается, чтобы жить "ах", на широкую ногу. Это просто человек, который зарабатывает какие-то реальные деньги. Это семья, как правило, большая, в которой как минимум двое детей. Это обязательно высшее образование, это просто у нас менталитет такой, что у человека должно быть высшее образование. Русский человек не скуп, если у него есть деньги, он покупает еду и что там необходимо немедленно. Ничего не откладывает. Никаких черных касс, никаких запасов на завтра, на послезавтра. Он живет сегодняшним днем". "Русский человек — это не тот, у которого ничего нет. Русский человек — это тот, у которого ничего нет, ну и Бог с ним!".

В армянской группе выбор "типичного образа" основан на качествах, более эмоциональных, личностных, таких, как доброта, порядочность, душевность. В качестве примеров "типично русского человека" названы герои фильма "Любовь и голуби", "Москва слезам не верит" и еще... Будулай.

5. Характеристики армян

Характеристики армян во всех группах также имеют много общего. Так, и русскими, и армянскими респондентами отмечаются такие качества, как, в первую очередь, трудолюбие: "Они, конечно, пахари, они работают, поднимаются, благодаря своей сплоченности, но никакой работы не чураются" (молодежь), "Редко можно встретить армянина, требующего социального пособия или сто-

ящего на бирже по безработице. У нас есть национальная гордость, поэтому мы готовы делать любую работу. Если даже наша семья будет голодать — любую работу мы будем делать, но не жаловаться”.

И русскими, и армянами говорится о сплоченности семьи, уважительном отношении к старшим: “Я слышала, что в Армении вообще нет домов престарелых и детских домов, там не сдают своих родственников на попечение государства, сами за ними ухаживают”. Однако в армянской группе особо подчеркивается, что такая сплоченность существует лишь на уровне семьи: “за забором”, на уровне же этноса, ситуация совсем другая.

Русские считают, что “армяне всегда своим помогут и будут стоять за своего по национальному признаку, даже если он не прав” (славяне). Сами армяне характеризуют себя прямо противоположным образом: “Каждый армянин сам себе генерал”, “Чем велики другие нации — у них коллективность, соборность, а мы все — индивидуалисты”.

Одной из основных характеристик этноса, прозвучавших на армянской группе, была “детскость” со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками: “Детскость в том плане, что это открытость и неравнодушие, это может быть и положительным, и отрицательным качеством, смотря в какую сторону отклонение, но то, что это не табуретка, к которой обращайся не обращайся, все равно ответа не дождешься, — это факт. Каждый армянин — он по-детски непосредственно и очень сильно реагирует на все изменения”.

Как всем детям, армянам, по мнению респондентов из этой группы, присуще тщеславие и наивность, которые могут принимать подчас и более острые формы, такие, как: “Человек, который ничего не имеет, любит показать, пустить пыль в глаза”, “Иногда обвиняют: армяне сделали то-то, то-то, а вот приходит человек и говорит: “А я не знал”, причем искренне, люди даже не подозревают, что они нарушают какие-то законы”. “Есть у нас и наглость, эгоизм, соревновательность с армянами-соседями и с другими народами, например с русскими”.

Респонденты же русских групп склонны рассматривать недостатки армян отнюдь не как “детские”: “Это не те армяне, которые живут в Армении, они более агрессивны, замкнуты” (славяне). По мнению участников исследования из молодежной группы, армянам присущи такие качества, как лицемерие, двуличность: “Если посмотреть на рынке, как они апельсинами торгуют, то кажется, такой добродушный, приветливый народ, но все время ждешь, что обманут”. Во всех трех группах отмечалось недостаточное уважение к женщине, причем не к женщине своей национальности, а к женщине-славянке. Отношение к женщине: “Это женщина, это не человек, это, в лучшем случае, друг мужчины” (молодежь); “Он подошел, познакомился, и ты должна поехать с ним, куда он захочет, и делать то, что он захочет”; “Ну, женщина — этим все сказано, она выполняет какую-то роль в доме. Ну если она совсем обнаглет, можно, конечно, и в лоб дать, а те женщины, которые на улице... Если она армянка — еще двадцать раз подумают: там братья, какая-то семья за плечами, а если русская... Ну, идет кто-то так вот, непонятно кто, вот это наверняка беззащитная” (армяне).

Вместе с тем респонденты-мужчины из армянской группы сделали попытку объяснить подобное отношение к женщинам-славянкам: “У нас горная страна, отношение к женщине очень регламентировано, а Россия — открытая европейская страна, здесь отношение к женщине более открытое, и поэтому, выходя за пределы Армении, пытаются как-то отношение компенсировать. То, что было

у них закрыто, они пытаются открыть, чаще всего это получается грубо и неуклюже”. Вообще, для респондентов-мужчин из этой группы ситуация не выглядит столь уж однозначной: “Поспрашивайте русских или там украинок — одним словом, славянок, они вам скажут, что хотели бы дружить с парнем-армянином. Потому что с ним как за каменной стеной, он никогда, если его девушку обижают, не скажет, что “это твои проблемы”, наоборот, всегда защитит. И где вы видели армянина, который на свою девушку руку бы поднял? Потом, если девушке захочется чего-нибудь, он всегда ее желание выполнит, захочет она мороженого — он купит, а русский еще подумает”. В группе армян-мужчин многие представления о бесцеремонности и наглости армян объясняются обычной мужской завистью.

Особо важной характеристикой, вызывающей негативное отношение к армянам в русских группах, называют их “продажность”: “Продажные, у них все продается и покупается за деньги”; “Привыкли все покупать за деньги, даже знания в институте”. Армяне же, со своей стороны, объясняют свою “продажность” неспособностью ориентироваться в законах и взаимодействовать с правоохранительными и административными органами, тем, что им легче дается взаимодействие на личностном уровне, чем на уровне социальных структур: “Армянин никогда не знает, нарушил он что-нибудь или нет, много ли вы видели, например, армян-юристов? Ему легче дать денег и идти себе дальше, чем куда-то ходить разбираться, время терять”. В этом контексте истинным криком души прозвучала реплика одного из участников армянской группы: “В чем мы действительно виноваты перед русским народом — так это в том, что мы развратили вашу милицию и вашу ГАИ!”.

Вместе с тем обсуждение армянского этноса не вызвало в русских группах резкой негативной реакции, в целом тон обсуждения был достаточно спокойным и доброжелательным, хотя армяне и названы были с самого начала основными этническими конкурентами русских в регионе. Среди русских респондентов существуют опасения, что армяне, чье экономическое положение уже лучше, чем у русских, захотят захватить лидирующие позиции в регионе. Им, например, приписываются конкретные экспансионистские планы: “Кто-то слышал высказывания армян: нам понравился Краснодар, он будет нашей столицей!” (молодежь), или, по крайней мере, желания: “Желание захватить власть (место, должность), стоять выше всех” (славяне).

В целом все претензии русских к армянам сформулировал одной фразой участник взрослой славянской группы: “Самый большой недостаток — это то, что их много”.

6. Оценка положения своего народа (русские)

И русские, и армяне чрезвычайно недовольны положением своего народа. У русских респондентов недовольство это связано в основном с экономическим положением этноса, большинство членов которого не могут достигнуть хоть сколько-нибудь удовлетворяющего их материального положения. Вина за это традиционно возлагается, с одной стороны, на политиков различного уровня (здесь прослеживается очень четкое разделение на “мы” — народ и “они” — некая темная сила, распределяющая блага как материального, так и статусного плана), а с другой стороны — на приезжих, в основном беженцев из кавказских регионов: “Народ — нищий... На втором плане, под забором. Вот мы всегда говорим: меньшинства национальные, смотрите, не обидьте, а русский на-

род кто-нибудь спросил? Вот приезжает беженец-кавказец оттуда, он через полтора года строится, а приезжает русский, у него что-то ничего не получается. Вроде он не инвалид, с руками, с ногами... А потому, что оттуда он действительно приезжает нищим, и здесь он никому не нужен! Вот попробуйте обидеть с пропиской какого-нибудь нацмена и попробуйте русского. Русский — это вроде так, прошло и незаметно, а вот нацмена — это уже национальный вопрос, то есть в России для русского места нет”. “Русский у себя на родине — обиженный, бесправный во всем человек, пенсионеров пенсии лишают, учителей, врачей — зарплаты... Во всем остается он в крайне нищенском положении”. “Мы были поставлены в неравное положение еще в те же советские времена. Развивали что? Развивали республики. Вы вспомните, куда мы ездили за вещами, куда мы ездили за теми же продуктами, как развивалась в то время Армения, как развивалась Грузия, где в магазинах было все, все можно было купить... Структура цеховиков, ведь откуда нам все это везли? Да попробовали бы вы открыть цех у нас, именно русские, да его быстро заклевали бы и все. За это время накопили, можно сказать, золотой запас, теперь, когда стало совсем невмоготу, они с этим золотым запасом приезжают сюда, строят себе, живут прекрасно, покупают детям там машины, то, се, а наши дети оказались бедными, оказались нищими, это видно даже в школе, как одеваются дети наших меньшинств, наших беженцев, и как одеты наши дети, как они едят. Полностью монополизировали сферу торговли и обслуживания”.

Таким образом, основные претензии русских респондентов можно резюмировать как неравенство стартовых возможностей — в первую очередь в экономической сфере, а затем и в социальной. Являясь государствообразующим этносом в регионе, представители русского этноса в большинстве своем, по мнению наших респондентов, тем не менее отчуждены от экономических источников, обеспечивающих приемлемый и стабильный уровень жизни.

7. Оценка положения основных этнических конкурентов (русские)

Положение армян в регионе рассматривается русскими респондентами как гораздо лучшее, что, по их мнению, является не заслугой армян, а скорее следствием национальной политики тех самых “темных сил”, обеспечившей армянам, по сравнению с русскими, стартовые преимущества, в том числе и на региональном уровне: “Для них нет нерешаемого вопроса, любой нерешенный вопрос рассматривается как ущемление национальных прав”. “Сюда уже приезжают богатые армяне, бедные армяне остаются в Армении, во-первых, потому, что им здесь ничего не светит, а во-вторых, у них просто нет денег на переезд”. “Лучше потому, что у них есть деньги, а за деньги сейчас можно купить все”. “Можно просто сейчас на 10 минут выйти, пройти по Северной, Красной, Седина, посмотреть, кто сидит в кафетериях, ресторанах, барах и т.д.”. “Сейчас армян стало больше, чем русских, все позакупили, не только в городе, но и в станице, а наши люди живут тяжело”. “Они живут намного лучше, друг другу помогают, у них есть кто-то один “шишка”, сам зацепился и тянет наверх всех своих родственников и знакомых”. “Присутствие других национальностей в нормальных условиях, хотя бы при нормальном законодательстве, проблем бы не создавало, а вот проблема в том, что сейчас говорят много, а ничего не делают. Например, кто имеет двойное гражданство, он не служит в армии, может свободно ездить, заниматься бизнесом”. “Они лезут наверх, подбирают там своих, и получается, как в СССР это было:

Россия все делает для национальных меньшинств, а они просто накапливают все это”. “Особенно это (безнаказанность, вседозволенность. — Модератор) заметно в правоохранительных органах”. “Но зачем нам лишние люди в Краснодаре, когда по улицам уже нельзя проехать? По последним данным статистики, мы уже вышли на первое место в России после Москвы по количеству машин на душу населения. А у вас есть машина? Ну, может быть, у кого-то, старенькая какая-то. Машины есть у тех же национальных меньшинств, которых мы все обижаем, не даем жить на Кубани”. “Они все скупают: рабочие места, землю, особняки, потому что большинство из наших руководителей — это продажные люди” (славяне). “Мы еще плохо живем и потому, что многие из русских продажны, они продают каждый какой-то кусочек и не понимают, что в результате будет продано все!”. “Русский Иван всегда работает на дядю!”. Это связывается с несовершенством законодательства, в результате чего: “Им пользуется тот, у кого есть деньги”.

8. Оценка положения своего этноса (армяне)

Респонденты-армяне также весьма недовольны положением своей этнической группы, правда уже по другим причинам. Если русские респонденты считают, что принадлежность к национальному меньшинству открывает широкие возможности, то сами армяне резюмировали свое положение в следующей лаконичной фразе: “Материально — нормально, а прав никаких”.

Отношение к армянам характеризуется как: “Произвол со стороны местных властей и правоохранительных органов очень большой, можно поймать, отвести в кутузку, поиздеваться, отнять деньги. И самое главное — армяне, по сути своей, никуда не жалуются... Он (армянин. — В.Р.) всегда знает, что, по сути, он всегда не прав”. Среди участников армянской группы очень сильно ощущается депривационный момент, и как следствие — фрустрация, растерянность, попытки найти точки соприкосновения в общем прошлом, коль скоро их нет в настоящем: “Мы оторваны от наших корней и беззащитны, нам некуда жаловаться. А ведь это — наша история, наша общая Родина, наши предки проливали кровь за нашу общую Родину, а где это есть? Где это все?”. Отмечаются факты издевательства в школах над армянскими детьми, особенно в последнее время. “Но это проблемы русских, проблемы воспитания, дело в том, что они не уважают свою нацию. Как можно заставить их уважать чужую нацию, хотя бы не уважать, но вести себя прилично?” В целом тема очень болезненная для респондентов группы, настолько, что одна из респондентов довольно резко отреагировала на соответствующий вопрос модератора: “Я не буду об этом говорить, ну не хочу и все, я имею на это право!”. Со стороны русских чувствуется социальная зависть: “Они думают, что деньги прямо сами идут к армянам, они не понимают, что армяне работают, они на пьянки эти в субботу и в воскресенье не идут, они работают, а со стороны они кажутся такими богатыми”.

Респондентами отмечается в этом контексте то обстоятельство, что основная волна неприязни идет со стороны малообеспеченных людей, которые не видят, каким образом зарабатываются деньги, зато очень хорошо видят, как они тратятся. Так что проблема национальной неприязни во многом связана с общим низким уровнем социально-экономического развития страны. “Это стремление к материальному достатку у армян — оно выше, намного выше. И знаете, чем это объясняется? Тем, что у армян больше семьи и им необходимо поза-

ботиться обо всех. И если он не будет пахать изо всех сил, его семья просто будет голодать” (армяне).

По мнению экспертов, процентов на 75—80 ситуация определена официальной позицией властей. “Пусть не раздувание каких-то конфликтов, но даже игнорирование проблем, бездействие уже приводит к таким делам. Это же выгодно, когда русские ненавидят армян, это значит, не надо решать никаких проблем, а можно просто сказать: все ваши деньги у армян”. “Эта ситуация — отражение даже не национальных проблем, а скорее социальных” (эксперты).

9. Оценка ситуации межнационального общения

В молодежной группе ситуация оценивается как крайне напряженная, близкая к тому, что было 10 лет тому назад. “В принципе это надо всегда, иногда надо такую очистку производить”; “Армянам следовало бы испытывать уважение к русскому народу и помнить, что именно русские их спасли от порабощения или даже вырезания” (молодежь). По прогнозам этой группы, если социально-экономическое положение в стране и в регионе не улучшится — будут серьезные столкновения на национальной почве, вплоть до вооруженного противостояния. В этой же группе с достаточной трезвостью отмечается наличие момента зависти к армянам как к более успешным экономическим конкурентам: “Ситуация будет лучше, если хотя бы немного улучшится экономическая ситуация. Тогда все станут жить лучше, тогда станет меньше зависти”.

Во взрослой славянской группе оценка перспектив более пессимистична. На их взгляд, ситуация с неконтролируемой экономической миграцией зашла столь далеко, что русские в регионе обречены на проигрыш, их положение будет в дальнейшем только ухудшаться: “В крае очень много беженцев, которые, естественно, добавляют местному населению проблем. Местные — живут в тех, старых домах, а вот, как правило, беженцы, которые оттуда пришли голышом, через год-полтора, так получается, уже живут в нормальных домах. Или беженцы у нас ненормальные, или местное население. Но об этом говорить, по моему, нельзя”. “У нас кубанцы — люди добрые, трудолюбивые, отличаются сразу: занимаются сельским хозяйством, на производстве, а в сравнении просто с приезжими, ну это такие люди, которые просто торгуют, оккупируют рыночки, базары”. Возможность возникновения конфликтов для участников этой группы весьма невелика, скорее они будут носить локальный характер, больше напоминающий бытовые разборки: “Если начнутся конфликты, первыми поднимутся казаки в бывших станицах, там у них терпение лопнет быстрее, все-таки в городе немножко люди поспокойнее и более уравновешенные, а там, после принятого самогона, идут в ход кулаки...”. В целом же респонденты этой группы дают весьма неблагоприятный прогноз для русского этноса: “Через пять лет заполонят они все, и станут у них русские как рабы”; “Краснодарский край будет какой-то областью Армении”. Есть только одна надежда (чтобы не было слишком уж грустно): “Русские победят, по крайней мере по рождаемости”.

Армяне настроены более оптимистично: “Кончится же когда-нибудь эта война на Кавказе! Может, мы перестанем тогда быть лицами “кавказской национальности”; “Все будет нормально, мы столетиями жили рядом, в частности на Кубани, и никто никого не обижал, просто сейчас время такое: все против всех”. “Если власти наконец признают, что Кубань — многонациональный реги-

он, если будут возвращены в школу уроки интернационального воспитания, люди будут уважать и знать традиции своих соседей, и все будет нормально” — таково мнение в группе экспертов.

10. Меры

В заключение фокус-групповой дискуссии респондентами предлагалось дать свои рекомендации по улучшению межнациональных отношений в крае. Все рекомендации условно можно, на наш взгляд, разделить на три группы:

I. Жесткие административно-силовые меры решения национальных вопросов, приоритетные по отношению к коренному большинству населения (славянам).

II. Меры адаптационно-интеграционного характера.

III. Меры, способствующие большей интернационализации региона.

К первой группе относятся:

1. Борьба с национальной преступностью (молодежь, славяне).

2. Ограничение въезда на постоянное место жительства (миграции) (взрослые славяне).

3. Тщательный контроль за присвоением статуса беженца: “Беженцем должен считаться тот, у которого действительно ничего нет и он бежит, а не тот, за которым КамАЗ с добром едет!” (славяне-взрослые).

4. Обеспечение рабочими местами, в первую очередь коренного населения (славяне-молодежь).

5. Ограничение на занятие руководящих должностей для представителей некоренного народа: “Все руководящие должности должны занимать русские, а уже замы пусть будут разных национальностей” (славяне-взрослые); “Въезжая в страну, они должны работать прежде всего, а не сразу лезть с большими деньгами в правительство” (славяне-молодежь).

6. Поддерживать русские национальные движения, в частности казачество (славяне-молодежь).

Вторая группа предполагает следующую систему мер:

1. Адаптация в рамках интеграции. Не допускать появления национальных районов (молодежь).

2. Создавать национальные районы (армяне).

К третьей группе относятся:

1. Контроль над деятельностью правоохранительных органов с целью пресечения фактов правовой дискриминации по национальному признаку (эксперты).

2. Контроль над прессой: “Обратить внимание на позицию СМИ, которые часто раздувают межнациональные конфликты — только ради того, чтобы потусоваться” (армяне).

3. Интернациональное воспитание: “Россия — не Африка, где живут одни африканцы, Россия — многонациональная страна, вот и надо нам вводить культуру многонациональной страны” (молодежь, армяне, эксперты).

4. Активизация деятельности национально-культурных объединений с целью знакомства населения с традициями и культурой своего народа, особенно в сельской местности (эксперты).

5. Расширение контактов руководителей национально-культурных объединений с представителями администрации края и районов, проведение систематических консультаций по вопросам межнациональных отношений (эксперты).

Отчет о проведении фокус-группового исследования:

“Диагностика состояния межнациональных отношений в Республике Адыгея”

Исследование проводилось в г. Майкопе 12—13 октября 2001 года

Всего проведено четыре фокус-группы следующего состава:

1. Женщины-славянки: 30—55 лет, 50% с высшим, 50% со средним и средне-специальным образованием.
2. Мужчины-славяне: 30—55 лет, 50% с высшим, 50% со средним и средне-специальным образованием.
3. Женщины-адыгейки: 30—55 лет, 50% с высшим, 50% со средним и средне-специальным образованием.
4. Смешанная группа молодежи: 18—29 лет, 50% русских, 50% адыгов, 50% мужчин, 50% женщин, 30% с высшим, 70% со средним и среднеспециальным образованием.

1. Особенности города, особенности его жителей в представлении участников фокус-групп

Ключевое слово для города Майкопа, звучавшее практически во всех группах и в высказываниях всех респондентов, — “чистый”. Далее практически всеми респондентами отмечается, что жители города красивы, хорошо одеты. В адыгейских группах это связывают с национальными традициями, предписывающими правило надевать все самое лучшее, выходя из дома, в русских — с желанием продемонстрировать свое благополучие, “не ударить лицом в грязь”. Далее город характеризуется как “провинциальный, спокойный, уютный, город, в котором все люди друг друга знают”. Но если в русских группах эта особенность воспринимается добродушно, даже с умилением, как показатель некой дружелюбности и теплоты, то в женской группе адыгов, а также в смешанной молодежной группе эта особенность оценивается двояко. С одной стороны, это плюс. Тебе всегда помогут, тебя поддержат. С другой — минус, поскольку ты не свободен в своих действиях. По словам одной из респонденток женской группы, “иногда хочется сделать что-то неординарное, ну, юбку, что ли, короткую надеть. Но сразу же начинаешь думать: нельзя, этот увидит, тот увидит, родственникам расскажут, они домой явятся, начнут стыдить. И так во всем: жизнь с оглядкой на родственников, на знакомых”. Последующие характеристики в русских и адыгейских группах имеют совершенно противоположную эмоциональную окраску. Для русских город достаточно проблемный, со сложными межнациональными отношениями, накладывающими отпечаток на характер его жителей в целом, достаточно криминализированный: “После десяти вечера пустеет, засыпает. После наступления сумерек город становится небезопасным, поскольку на улицах остаются только искатели приключений”. “Здесь нет душевной простоты, как, например, в Сибири, люди более темпераментны, более активно отстаивают свои жизненные интересы, более насто-

женны в отношении друг друга, более замкнуты”. Высказывания респондентов-адыгов дышат безмятежностью. По их мнению, люди в городе открыты, доброжелательно относятся к представителям других национальностей. Адыгами в гораздо большей степени отмечаются позитивные моменты: гостеприимство, отзывчивость, взаимопонимание между народами. Более оптимистичны и их оценки экономической ситуации в городе: “Да, конечно, сложно, предприятия-то стоят, да и не было никогда в нашем городе таких уж промышленных гигантов, но все как-то устраиваются, крутятся на двух-трех работах, не шикуют, но и не бедствуют”. Оценка экономической ситуации русскими респондентами гораздо более жесткая: “В городе большая безработица, полностью реализовать свои возможности сложно, поскольку очень большая конкуренция”. Такая разница в оценках города и его жителей говорит о лидирующих или аутсайдерских позициях двух основных национальных групп.

В данной ситуации лидерство, бесспорно, за адыгами. Они могут позволить себе некую отстраненность, успокоенность, добродушие, не озабочиваться проблемами города, подобно тому, как здоровый человек не озабочен тем, как функционирует его организм. Иная ситуация у русских. Уже по первым, самым общим оценкам города и его жителей видно, что именно они если не несут, то, по крайней мере, ощущают на своих плечах всю тяжесть социально-экономических проблем в республике.

2. Национальная структура города и в целом Республики Адыгея

Национальная структура города, как и республики в целом, рассматривается респондентами двояко. С одной стороны, этносы позиционируются по принципу их численности, что характерно в большей степени для женских групп и для смешанных групп молодежи, с другой — по их значимости в социальной структуре. И такого рода характеристики чаще звучали в мужской группе. Таким образом, в “женском” варианте этническая структура республики следующая:

- русские
- адыгейцы
- армяне
- турки
- греки, курды
- вьетнамцы или корейцы (эти группы не различаются), которые появляются в местах, связанных с торговлей
- татары, чеченцы

Особенно выделяются так называемые депортированные (по-видимому, адыги из Косово). При этом обращает на себя внимание отличие их внешнего вида: “одеты по-старинному”, а также некоторые специфические поведенческие черты: экономность, граничащая с прижимистостью, нехарактерная для адыгов замкнутость: “негостеприимные”.

Особым образом выделяются также армяне, хотя для всех респондентов они по численности находятся не ближе чем на третьем месте, но производят впечатление более многочисленной группы: “Мне кажется, в последнее время армяне вообще выходят на первое место, вокруг слишком их много”. Вероятно, это связано с особенностями поведения армян, с некоторой присущей им демонстративностью, которая особенно заметна на фоне традиционной сдержанности адыгов и русских, тем более в условиях маленького города.

В мужских группах этническая лестница выглядит следующим образом:

- адыги
- русские
- другие национальности, которые на данный момент не играют существенной роли в социальной жизни республики.

Сам характер построения лестницы достаточно различается в русских и адыгских группах. Если в первой такого рода ранжирование вызывало у респондентов целый спектр эмоций — от обреченности: “Это же титульная нация” — до недоумения: “Как же получается, русских больше, а адыги главнее?”, то для адыгов такое построение этносов по степени их значимости представляется вполне естественным и закономерным, численность тех или иных групп в данном случае в расчет не принимается, играет роль только историческая принадлежность территории и, соответственно этому, ее национальный статус.

3. Определение национальности и факторы, играющие роль в определении национальности

Само понятие национальности имеет достаточно точную привязку во всех группах. И для русских, и для адыгов оно, в первую очередь, связано с генетическим фактором: “От кого произошел”. Помимо этого существуют и другие идентификаторы. Вторым по значимости среди них является язык: “На каком языке вы думаете”. Далее для мужчин, независимо от их этнической принадлежности, идет фактор самосознания. Для женщин более важную роль имеют некие более осязаемые признаки: внешний вид, особенности бытового уклада, семья как инструмент межпоколенной трансляции традиционной культуры, того же самосознания, этикетных норм, фольклора и т.п. Причем именно в женской группе отмечается закономерность, что в смешанных браках семья интегрируется в ту культурную среду, которая в большей степени сохранила традиционную культуру и в которой, следовательно, более крепкие горизонтальные и вертикальные внутрисемейные связи.

В этом смысле адыгейский этнос представляется более консервативным, крепким, а русский более размытым, адаптационным, во всяком случае на территории компактного проживания адыгов: “Потому что взять смешанные семьи: если женщина выходит замуж за адыга, если она гибкая, хочет сохранить семью, она будет делать то, что приятно мужу. Далее идут дети, которые перенимают эти уже адыгские традиции. Русские традиции тоже не исключаются, они идут параллельно, но доминантны всегда адыгские. Если же мужчина русский женится на адыгейке, то он общается более близко с ее адыгейской родней, чем со своей русской, и все у них в семье скоро будет на адыгейский лад”. Эта закономерность напрямую вытекает из тех характеристик, которые русские дают сами себе и которые в целом совпадают с характеристиками, данными русским респондентами из адыгейских групп.

Характеристика русских

В своеобразных этнических автопортретах, представленных на славянских группах, доминирующей чертой русских считается терпимость, неагрессивность: “неконфликтный человек, который не лезет сломя голову выяснять какие-то отношения, терпимый (который смиряется с тем, что творится вокруг, с чужими обычаями, языком, с присутствием людей, чужих для него)”. Или, по-другому говоря: “Русские никому не мешают жить”. Отмечаются также близкие к этому характеристики, такие, как “всепрощаемость”, причем это выделяется как в положительном, так и отрицательном смысле, дружелюбие, широта души: “Добро не забывает, а зла не помнит”. Среди прочих положительных качеств

русские в Адыгее отмечают в своем народе такие, как мобильность, способность к быстрому переключению и эмпатичность — способность к сопереживанию, глубинному пониманию другого человека. Отрицательное поле. В первую очередь, характеризуется такими понятиями, как терпение: “Свергли советскую власть — терпят, голодом морят — терпят”, простота: “Русский человек как просто сделал что-то хорошее, так просто может сделать и что-то плохое, наша простота — хуже воровства”, безалаберность, “надежда на авось”, леность: “Я буду сидеть и не работать, лишь бы мне хоть капелька какая-нибудь перепала”. Хотя порой это тоже оборачивается своей противоположностью: “От нежелания куда-то идти, что-то делать иногда и открытия совершают, печку, которая сама едет, изобретают”. В качестве безусловно отрицательной черты называется любовь к выпивке. В условиях проживания на иноэтничной территории особую значимость приобретает такая черта, как отсутствие взаимодействия и взаимопомощи внутри этноса, зависть к более удачливым со стороны аутсайдеров и нежелание помогать им со стороны тех, кто сумел добиться жизненных успехов, поскольку в окружении сравнительно благополучных людей эти успехи не будут столь очевидны. Эта негативная черта, по мнению респондентов, особенно проявляется на фоне клановости, которой характеризуются, по их мнению, ближайшие соседи — адыги.

Привлекает внимание тот факт, что положительные характеристики, которые адыги дают русским, лежат в несколько ином смысловом поле, они связаны не столько с личностно-эмоциональными категориями, сколько с категориями, описывающими человека как часть системы производственных взаимоотношений. На первый план выходит его ценность как работника. И в этом смысле русские характеризуются очень положительно, они порядочны, трудолюбивы, ответственные, пунктуальны, выносливы, практичны. Более личностные характеристики русского этноса для респондентов из адыгских групп оказались вторичны, но в целом они повторяют те, которые давали своему народу респонденты-русские: в первую очередь, терпение, мобильность, адаптивность, внутренняя сила, большая по сравнению с адыгами открытость в выражении своих чувств и, соответственно, большая способность в понимании чувств других людей.

В качестве отрицательных характеристик отмечалось в русских группах пьянство. И то, что было отмечено респондентами-славянами в качестве отдельных элементов системы: зависть, отсутствие взаимопомощи, — адыги включили в понятие “разрушенность традиционной культуры”, что, по их мнению, является неуважением к ней и ставит под сомнение способность уважать культурные традиции других народов.

Характеристики адыгов:

Интересно отметить, что положительные характеристики адыгов как со стороны русских респондентов, так и со стороны адыгейских достаточно стереотипны и отражают растиражированный еще в годы советской власти образ адыга: щедрого, гостеприимного, отважного, почтительного со старшими и потцовски заботливого по отношению к младшим и т.п., что, кстати, само по себе, возможно, характеризует адыгов как достаточно закрытых, но склонных делиться внутренними переживаниями людей (что подтверждают сами участники адыгейских групп). В славянских группах Майкопа адыги не вызывают раздражения или иронии, как это было в молодежных группах в Краснодаре. Но наряду с уже перечисленными положительными качествами отмечается суще-

ственная разница между индивидуальным и групповым поведением адыгов: если по отдельности адыги воспринимаются в целом положительно, то в группе они выглядят по-другому (с точки зрения русских респондентов): надменными, намеренно подчеркивающими свою этничность, кичащимися своим статусом титульной нации: “Собираются вместе и чернят другие народы, русских, например”. При этом жесткое деление людей на “наших” и “ненаших”, которое отмечали респонденты во всех майкопских славянских группах, более характерно, по их мнению, для молодежи, которая зачастую, не обладая в реальности комплексом положительных качеств, присущих традиционному характеру адыгов, использует эти “культурные образы” как лишний повод для доказательства своего национального превосходства. По словам одной из участниц женских групп: “Когда мы говорим о положительных качествах, мы подсознательно имеем в виду старшее поколение, когда говорим об отрицательных — имеем в виду молодежь”. Связывают такую ситуацию с появлением понятия “титульной нации”, которая именно для молодежи, испытывающей потребность в самоутверждении и обретении высокого статуса в новой, “взрослой” жизни, оказалась как нельзя более кстати.

В качестве отрицательных характеристик в адыгах отмечается респондентами русских групп некая “восточная двуликость”: “Вот спрашивают, пошел бы с адыгом в разведку? Ну не пошел бы, предпочел бы сам справиться”; “Они могут говорить одно, а делать совершенно другое”. Сами же адыги, говоря о своих отрицательных качествах, в первую очередь указывали на гордость, рачительность, зависть к более богатым и успешным, что очень напоминает самокритичные высказывания русских респондентов в адрес своего этноса. Неоднозначно оценивается (особенно в женской группе) такое явление, как родственная взаимопомощь. Обратной стороной ее, по мнению респондентов, зачастую является предъявление достаточно жестких требований к индивидууму, его подавление в интересах большинства (вынужденный конформизм). В адыгских группах констатируется также постоянно присутствующий, особенно при общении с людьми других национальностей, фактор этнического самосознания: “Мы — адыги”, который особенно актуализируется в тех ситуациях, когда человек сталкивается с неприемлемыми для его культурных стереотипов формами поведения.

Необходимо также отметить, что сам характер обсуждения этнических стереотипов был достаточно спокойным, лишенным истеричности и взаимных обвинений. Скорее это была констатация вполне известных и обыденных фактов, что само по себе хороший диагностический признак, свидетельствующий если не о взаимопроникновении, то, по крайней мере, о взаимопонимании культур и делает возможным диалог между ними в общем понятийном поле.

Положение русских в Адыгее

Большинство респондентов славянских групп отмечают чувство дискомфорта, возникшего у них за период существования Республики Адыгея. В настоящее время ситуация в сфере межнациональных отношений представляется им умеренно спокойной, на 3,5 балла по 5-балльной шкале, высказываемые претензии и жалобы не носили характера требований и не содержали просьб о защите. У большинства респондентов даже не было собственной рефлексивной позиции по поводу межнациональных отношений в регионе, она формулировалась на наших глазах, в ходе групповой дискуссии. Основной тезис, который мог бы охарактеризовать отношение большинства из пришедших респондентов как в женской, так и в мужской и

молодежных группах, следующий: “Я не понимаю, что происходит, но понимаю, что что-то происходит, и это что-то опасно для меня”.

В частности, отмечается усиливающаяся сплоченность адыгов, желание с их стороны дистанцироваться от русских, разделить общество на “мы” — адыги, титульная нация, коренные жители, и “они” — все остальные народы. Не случайно бурную дискуссию в женской группе вызвало обсуждение символического смысла вполне рядовой для Адыгеи ситуации, когда группа адыгов оживленно разговаривает по-русски, а стоит приблизиться русскому — все переходят на адыгейский язык. Вторым моментом, вызывающим активное недовольство в русских группах, является то обстоятельство, что все руководящие посты в республике занимают адыги, что с учетом их системы родственной взаимопомощи, жестко детерминированной национальными традициями, приводит к вытеснению русских с престижных и хорошо оплачиваемых рабочих мест и понижению социального статуса русского населения Адыгеи в целом.

Высказывания, характеризующие клановый характер распределения благ, звучат порой довольно резко. Так, в русской мужской группе процессы, происходящие в республике, прямо называли “клановым переделом власти” и “национальным захватом власти”: “Почти на всех предприятиях начальники — адыгейцы; так-то устроиться на работу рабочим можно, а вот инженером — уже гораздо сложнее”.

Несколько менее “национализированы” рабочие места в частном бизнесе, он более демократичен и интернационален, особенно если речь идет об индивидуальном предпринимательстве или небольших, преимущественно торговых фирмах. Отмечается также факт неофициального возрождения сословий: “Верхушка власти — князья, у них есть все, они обладают практически неограниченными полномочиями, и есть простые адыгейцы, которые придут и просят у них”. По мнению одного из респондентов, самая большая проблема заключается в разветвленности адыгейской бюрократии. Слишком громоздкий государственный аппарат в республике тормозит развитие частного предпринимательства, от этого страдают не только русские, но и сами адыги: “Знаете, какая сейчас адыгейская национальная валюта? Потом”; “У нас болото; если бы мы были в Краснодарском крае, у нас бы и туризм, и сельское хозяйство по нормальному бы развивались. А здесь у нас и законодательная, и исполнительная власть заняты тем, что карманы себе набивают. У нас республика маленькая, население небольшое, поэтому все это очень явственно видно”. Таким образом, сложности русского населения в Адыгее условно можно разделить на две группы: объективные (вернее, осознаваемые в качестве таковых) и субъективные. К первой группе относятся, в первую очередь, проблемы, связанные с трудоустройством, и желание обрести достаточно высокий социальный и материальный статус, чему препятствует клановая структура адыгейского общества, объединяющая людей по национально-родственному признаку, а также несправедливые действия представителей правоохранительных органов: “Закон всегда будет на стороне адыга, что бы он ни сделал!”. К трудностям субъективного плана относится прежде всего взаимодействие с адыгами, особенно в молодежной среде, которое в любом случае остается весьма напряженным, начиная от реальных драк и кончая смутным ощущением своей чужеродности, нестабильности своего проживания в этом регионе: “Они (адыги) у себя дома, а мы — в гостях. Нас, конечно, не обижают, к нам пока нормально относятся, но все равно мы — гости!”.

Кстати, именно по принципу “кто гость, а кто хозяин” русские респонденты — участники фокус-групповых дискуссий в г. Майкопе в качестве наиболее близкого для себя этноса назвали армян. В то же время в Краснодарском крае именно армяне являются наиболее конфликтной в отношениях с русскими группой, именно в их адрес выражается наибольшее количество претензий, именно они воспринимаются славянским населением Кубани как наиболее чужеродный компонент.

В Майкопе для русских Адыгеи армяне — это, в первую очередь, единоверцы, к тому же такие же “пришлые”, и именно вместе с ними можно противостоять мусульманам-адыгам. В этом же контексте невозможно пройти мимо еще одной детали: украинцы, всегда воспринимавшиеся как ближайший, родственнейший русским этнос, русскими Адыгеи в качестве таковых не воспринимаются: “Мы уже видели, как они подставили русских в Чечне, воевали вместе с мусульманами”, — сказал один из участников мужской группы.

В адыгейских группах вопрос о положении русских в Адыгее вообще не обсуждается, говорится о дружбе, братстве, взаимопонимании, гневно осуждаются те, кто “раскачивает лодку, пытаясь внести смуту в наш спокойный регион”. Факт занятия адыгами всех постов в сфере государственного управления не опровергается: “А как иначе должно быть в национальном государстве?”. Клановую систему распределения рабочих мест респонденты в целом признают, но объясняют противоречиво. Так, в адыгейской женской группе это интерпретировалось как национальная традиция: “Да, есть у нас такая черта, еще из аулов идет: во что бы то ни стало помогать родственникам. Это иногда им вредно, например, если парень совершит какое-нибудь правонарушение, его всей семьей стараются извинить от наказания, а он в следующий раз опять такое делает!”. В мужской же, напротив, это объясняется общечеловеческими традициями и нормами поведения: “Вот, например, если бы у вас был родственник, а вы занимали высокий пост, и он пришел бы к вам и сказал: “Помоги!” — кого бы вы лучше взяли? Родственника, который вам благодарен, или чужого человека, который вас подставит? Это во всем мире так!”.

Положение адыгов в русских группах

Оценивается как гораздо более благоприятное по сравнению с русскими: “Все для них потому что!”, “Все государственные посты занимают адыги, особенно это сказывается не в столице, а в районах. В аулах идет активное строительство, практически все аулы газифицированы, в то время как русские села разваливаются”. Лучшее положение адыгов выражается и в больших возможностях трудоустройства благодаря клановой системе. Более благоприятное положение адыгов описывается чаще в таких субъективных категориях, как “чувство уверенности”, “комфорт”. По словам респондентов, “они здесь дома, на своей земле, а мы, как ни крути, в гостях!”, “У них есть республика, есть власть, они считают эту землю своей”, “Русским сейчас не принадлежит, кроме русского языка, ничего”, “Адыгейцам живется лучше и проще, уже хотя бы потому, что тот, кто стоит у руля, тот и управляет дотационными потоками из Москвы, которые распределяются в основном среди адыгов!”.

Лучшее положение адыгов объясняется политикой прежней советской власти, которая прежде всего стремилась развивать национальные меньшинства. Однако экономическое положение адыгов в настоящий момент большинством респондентов не оценивается как намного более благоприятное по сравнению с положением русских. Респонденты в славянских группах колеблются: то ли

винить в экономических проблемах национальный фактор, то ли вообще жизнь такая: “Да все примерно одинаковые, все пашут, все крутятся за копейки, чтобы хоть немного подняться”; “Сейчас хорошо тому живется, кто хорошо ворует, а русский это или адыгеец — безразлично”. Средняя оценка ситуации в славянских группах — 3 балла: “Обстановка напряженная. Все, у кого есть куда уехать — стараются уехать. Хотя такого взрыва нет, но тучи сгущаются”; “Чувствуется, что ситуация немножко накалилась”; “Здесь сгущаются тучи, вокруг Адыгеи все воюют. Чечня, Абхазия, и рано или поздно Адыгею втянут в конфликт, хотя вооруженное противостояние вряд ли будет, никому эта Адыгея не нужна, да и люди не станут воевать, они слишком хорошо живут, такие дома понастроили”. Респонденты отмечают, что есть силы, которые пытаются дестабилизировать ситуацию. В числе этих сил называют в первую очередь “Союз славян Адыгеи”. По словам одного из респондентов, “после Нью-Йорка и Вашингтона спровоцировать любой конфликт — это не проблема”.

Пугают людей и смутные слухи о появлении в аулах ваххабитов: “По рукам ходит Коран ваххабитского толка”, но при всем этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство респондентов-славян не допускают мысли о том, что агрессия, проявления национализма идут изнутри, снизу. Большинство склоняется к мысли, что подобные настроения насаждаются кем-то извне. При этом выражается надежда на то, что адыги, будучи сами по себе людьми мудрыми, не поддадутся на эти провокации: “Я думаю, глядя на Чечню, здесь никто не хочет войны. Здесь люди богаты, им есть что терять в случае обострения конфликтов, поэтому никто не будет ни с кем воевать”.

В молодежных группах острота ситуации в Адыгее констатируется не столько через призму экономических, статусных или психологических проблем, как это звучало во “взрослых” группах славян, сколько через вполне конкретные проявления бытовой агрессии, проявляемой со стороны молодежных группировок. Причем если адыгейская часть молодежной группы считает, что эти бытовые столкновения не имеют под собой национальной подоплеку, а являются “обычными разборками, которые всегда были”, связанными в первую очередь с разрушением традиционных поведенческих норм как у русских, так и у адыгов, с отсутствием возможности “культурно” провести досуг, с общим нарастанием жесточестности в обществе, измученном экономическими проблемами, то русская молодежь вполне конкретно говорит о национальной агрессии, которая выражается в том, что “по городу стало небезопасно ходить, особенно по вечерам, кругом компании адыгов, довольно агрессивны настроенные. Существуют районы, куда русским можно и куда нельзя ходить по вечерам”. Так, нельзя ходить по престижным центральным районам, где проживают, по мнению респондентов, в основном адыги.

Адыги же, со своей стороны, будучи вполне удовлетворенными своим государственным статусом, тем не менее сами жалуются на родственную систему распределения рабочих мест, которая присваивает человеку определенный и достаточный (в глазах его родственников) социальный статус, но при этом лишает возможности самостоятельного выбора жизненного пути — кем быть и каким быть.

4. Рекомендации участников фокус-групп по улучшению ситуации межнационального общения

Улучшение ситуации межнационального общения видится в первую очередь в решении проблем экономических: чтобы всем хватало работы и денег, затем

в области исполнения законов: “Чтобы для всех законы были одинаковыми” — и в области воспитания молодого поколения: “Вернуться к таким ценностям, как интернациональное воспитание”. “В идеале у нас должно быть общество равных возможностей... Если бы не было местных князей, было бы проще!”.

В плане государственной структуры: “Мне кажется, надо убрать излишнюю государственность, чтобы было больше федерализма, чтобы Москва решала, что делать”. Были достаточно радикальные высказывания: “Назначить в Адыгею русского губернатора и сделать меньше выборов, поскольку они все равно нечестные”, “Адыгею надо соединить с Краснодарским краем, провести всенародный референдум!”.

На наш взгляд, такая позиция респондентов свидетельствует о весьма укоренившейся неуверенности в возможностях своей этнической группы.

Общие выводы:

1. На наш взгляд, ситуацию в Республике Адыгея в настоящее время можно охарактеризовать как самую первую идеологическую фазу этнического конфликта. Недовольство русскоязычного населения в настоящее время формулируется не столько на уровне объективных, подкрепленных конкретными фактами претензий, сколько на уровне психологическом: ощущение дискомфорта, “сгущающихся туч”, все большего разделения общества на “мы” — русские и “они” — адыги. Не случайно всеми респондентами русских групп в качестве основного понятия, характеризующего русский национальный характер, в первую очередь называлось терпение, что главным образом характеризует состояние самих респондентов, которые не живут полноценной жизнью, а “терпят” нечто, что их на самом деле не устраивает.

2. В некотором смысле эти ощущения объективируются в недовольстве своим статусным положением и степенью своей представленности в политической, экономической и интеллектуальной элите республики. В этом смысле есть представление (четко, впрочем, не сформулированное) о некоей границе статусного роста, достигнув которой, человек не может двигаться дальше в силу своей национальной принадлежности. Не случайно среди факторов, определяющих национальность человека, в первую очередь всеми респондентами во всех группах без сомнений и колебаний назывался фактор генетический и лишь потом язык и самосознание, что само по себе является достаточно ярким показателем межэтнической напряженности.

3. Не случайны также претензии респондентов к национальному составу правоохранительных органов: “Они всегда будут защищать своих”. Это вместе с недовольством слабой представленностью русскоязычного населения в органах государственного управления создает ощущение собственной незащитности в критических ситуациях.

Межнациональные отношения на Юге России: особенности и динамика

Межнациональные отношения для южнороссийского региона – вечная тема. Во все периоды нашей истории, когда разрешалось свободно обсуждать общественные проблемы, эта была одной из самых важных. А раз так, то практически у каждого жителя региона есть свое мнение по поводу. Наши представления о состоянии межнациональных отношений, об угрозах стабильности, причинах конфликтов, наши предрассудки являются строительным материалом межнациональных отношений. И хотя бы поэтому все действующие лица сложнейшей системы межэтнического взаимодействия должны знать, что происходит с общественным мнением. Тем более сегодня, когда уже очевидно: ситуация в сфере межэтнических отношений изменилась, а ее официальные оценки явно устарели и кочуют из одного официального доклада в другой уже несколько лет...

К сожалению, последнее масштабное социологическое исследование межэтнических отношений в нашем регионе было проведено довольно давно — в начале 1995 года. Тогда опрос, организованный по заказу Министерства по делам национальностей и выполненный под руководством Е.В. Крицкого, прошел во всех республиках, краях, областях Северного Кавказа. Это исследование стало одним из примеров “прифронтовой социологии” в современной России.

В конце 2001 года опрос 1000 человек, посвященный изучению межнациональных отношений, был проведен по заказу Южного регионального ресурсно-центра Центром социальных и маркетинговых исследований в рамках проекта “Юг России — регион национального согласия и мира”. Этот многопрофильный миротворческий проект финансировался Евросоюзом и осуществлялся ЮРПЦ на территории Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области и Республики Адыгея.

Проведенное исследование дает возможность оценить общественное мнение русского населения по поводу межнациональных отношений и, кроме того, сравнить ситуацию 1995 и 2001 годов. На территории региона в ходе последнего исследования опрашивались русские как представители численно преобладающего народа, от социального самочувствия которого зависит самочувствие всех остальных, а также в Адыгее — адыгейцы, чтобы получить возможности для сравнения подходов к одним и тем же вопросам представителей разных этносов. Целью данной статьи является выявление изменений общественного мнения о состоянии межэтнических отношений за 6 лет и формулирование особенностей нашего региона, которые влияют на миротворческую деятельность власти и общественных организаций.

Особенности региона

До начала исследования были очевидны некоторые особенности нашего региона, которые отличали его от любой другой части России. Именно эти особенности определяют высокий уровень напряженности межнациональных отношений. Без их учета нельзя говорить о научном подходе к урегулированию межэтнических конфликтов. В чем же эта северокавказская специфика?

Основные факторы, способствующие возникновению конфликтов

Высокий уровень этнической мозаичности населения. Он в сотни раз выше, чем в областях Центральной России. Индекс этнической мозаичности показывает, насколько часто люди, принадлежащие к разным этносам, общаются друг

с другом. Представители различных национальностей живут в нашем регионе на одной территории, вступая в контакты, в том числе в ситуации конкуренции за рабочие места или ресурсы. В таких случаях, как правило, участники конкурентной борьбы акцентируют внимание именно на национальной принадлежности другой стороны.

Активная миграция на территорию южного региона. Значительная часть вьнужденных мигрантов, поселившихся в России, выбрала в качестве места пребывания Ставропольский и Краснодарский края, Ростовскую область. Национальная структура миграционного потока примерно соответствует национальным пропорциям населения региона. В то же время именно миграция привела с 1989 года к формированию в регионе достаточно крупных диаспор народов, которые ранее здесь были представлены всего десятками или сотнями людей (турки-месхетинцы, курды). Резкие различия в культуре, структуре накопления и потребления новых мигрантов и местного старожильского населения приводят к возникновению напряженности. Известны случаи капсулирования мигрантских диаспор, когда группа переселенцев замыкается в себе, воспринимая старожильческое население как враждебное. В случае капсулирования нормальное взаимодействие между мигрантами и старожилами нарушается, опасность внезапного (на первый взгляд) конфликта с применением насилия резко возрастает. Такое положение дел нарушает безопасность как мигрантов, так и местного населения. В современной науке даже возникло активно используется такой термин, как “мигрантофобия”.¹

Внутрирегиональная миграция. В самом регионе идут интенсивные миграционные процессы. Так, продолжается отток русского населения из республик Северного Кавказа. Те же русские, которые остались в местах прежнего проживания, испытывают сильное давление как объективных обстоятельств (потери работы в результате разрушения промышленности), так и местных национал-радикалов. В то же время в последние месяцы усилился приток выходцев из Дагестана в Краснодарский край (соседний Ставропольский край уже принял значительное количество переселенцев из Дагестана, специалисты говорят о миграционном пресыщении Ставрополья). Мигранты другой национальности вызывают настороженность местного населения, которая резко возрастает в случае прибытия больших групп иноэтничных переселенцев. Превышение 10-процентного порога численности мигрантов от всего количества населения станицы, хутора, города считается в современной науке опасным пределом, после которого отношение к мигрантам становится враждебным. Ученые фиксируют закономерность: “Пример других государств показывает, что стоит доле иноэтничных мигрантов вырасти до 10%, как чуть ли не автоматически начинается всплеск фобий. Так, в середине 90-х годов численность иммигрантского населения достигла во Франции 10%-ного барьера – и на президентских выборах Ж.-М. Ле Пен, который видит в иноэтничном населении “угрозу существования Франции” и предлагает “очистить страну от мигрантов”, получил 15% голосов. Сходная ситуация характерна для многих из тех стран, куда с 60-х годов направлялись интенсивные потоки гастарбайтеров и переселенцев”.²

Своеобразие процессов модернизации. Социально-экономическое развитие, освоение новых технологий и, соответственно, изменения в нормах и морали в нашем регионе не сбалансированы в разных сферах жизни и у разных народов. Западная свобода поведения уже налицо, особенно среди молодежи, а сдерживающее влияние старших значительно ослаблено. Можно уверенно говорить о разрушении традиционных механизмов социального контроля. В то же время традиционное представление о “чужих” как врагах и о возможности аморального поведения в отношении “чужаков” другой национальности еще

очень живуче. Это повысило уровень конфликтности молодежи горских народов. Возникла ситуация, когда значительная часть населения региона, не успев освободиться от проблем прошлого, стала заложником проблем современного мира. У народов, создававших то, что мы сегодня называем западной цивилизацией, протяженная по времени социальная модернизация была сбалансированной: появление нового сопровождалось отрицанием старого. Народы Северного Кавказа получили большинство достижений модернизированного технологического общества в готовом виде, и стремительность процесса перехода сохранила архаичные нормы поведения и традиции. Если бы пришлось выбирать символ такого противоречивого соединения древности и современности, лучше всего подошла бы женщина в чадре за рулем “мерседеса”.

Большое влияние на общество традиционных институтов. Такие структуры, как советы родов (тейпов, туккумов и т.д.), старейшины, религиозные братства, действуют на основании норм права эпохи “военной демократии”, то есть более чем тысячелетней давности. Можно уверенно говорить о том, что нарушения прав человека в регионе, совершаемые традиционными социальными институтами, сопоставимы по своим масштабам с нарушениями, ответственность за которые ложится на государство. Подобная система права исходит из неполноправности всех “чужаков”, то есть представителей других народов. Обычной практикой для шариатских (исламских) судов Ичкерии периода независимости были приговоры, по которым жертва изнасилования (русская) приговаривалась к сорока палочным ударам “за нарушение нравственности”, а насильник — к тысяче рублей штрафа.

Негативная историческая память. Войны между кавказскими народами, предания о Кавказской войне 1818—1864 гг., относительно свежие воспоминания о депортациях народов служат психологическим оправданием агрессии. В последние годы в результате псевдонаучных или литературно-художественных спекуляций в общественном сознании освежаются отрицательные представления об этнических соседях уже тысячелетней давности. Один из героев шпионского романа Джона Ле Карре, ингуш, дает характеристику осетинам: “А как же нам не ненавидеть осетин! Они не из наших мест! Они не нашей крови! Они — персы, объявившие себя христианами, но тайно почитающие языческих богов!”.³ Исследователь А. Кудрявцев пишет: “...речь идет о регионе, где история не только объективно (как ткань причинно-следственных связей), но и субъективно — в силу чрезвычайно развитой у северокавказских народов исторической памяти — оказывает заметное инерционное воздействие на современные события”.⁴

Активизация религиозного фундаментализма. Именно на Юге России находятся главные центры салафизма (ваххабизма) — политизированной формы ислама, которая используется в своих целях лидерами национальных радикальных движений. Религиозная и национальная идеи выполняют различные функции в ходе войны против Российского государства. Национальная идея предназначена для объединения “своих” в интересах национальной элиты, решившей расширить свое влияние и возможности. Исламский фундаментализм обеспечивает поддержку радикальным национальным движениям со стороны других национальных групп в России и за рубежом.

Внешнее воздействие со стороны ряда государств Ближнего Востока. Цельный ряд соседей России не заинтересован в стабильности в южнороссийском регионе, что объясняется либо “нефтяными” интересами (попытками воспрепятствовать плану прокладки нефтепровода через территорию России для транспортировки каспийской нефти), либо стремлением влиять на зону своих жизненных интересов. В условиях современной России самый простой способ нарушить стабильность в регионе — поддержка радикальных национальных и сепаратистских движений.

Отсутствие развитого гражданского общества и традиций партнерских отношений между властью и общественными объединениями. Консервативность населения региона проявляется в том числе в консервативности депутатов и чиновников. Третий сектор, который может сыграть важную роль, особенно на этапе предотвращения конфликта и постконфликтного урегулирования, слабо включен в совместную с властью миротворческую деятельность. В субъектах Федерации консультативные органы из руководителей национально-культурных объединений при органах власти либо фактически бездействуют (этнический совет при губернаторе Ставропольского края), либо вообще не созданы.

Социальное самочувствие южан и мифы сознания

Что и как изменилось за шесть лет, насколько результативной была государственная политика в отношении национальностей? Несколькое возросло количество жителей региона, которые отрицательно оценивают состояние межнациональных отношений на территории своего субъекта Федерации (края, области, республики). Наиболее показателен в этом отношении Краснодарский край. Если в 1995 году на Кубани было 54 процента людей, считающих, что межнациональные отношения можно охарактеризовать как негативные, то в настоящее время таких почти 64. При этом процент давших категоричную оценку, то есть заявивших, что конфликт уже налицо, вырос в полтора раза – с 18 до 29,4%. В чем причина такого роста? Ведь по сути мало что изменилось. Как и шесть лет назад, в Чечне шла война, а в самом крае периодически возникали конфликтные ситуации между местным населением и мигрантами-неславянами. Очевидно, в 1995 люди больше надеялись на то, что все эти проблемы разрешатся. Сегодня эта надежда меньше, а уровень тревожности – выше. Наверняка сказались и звучавшие на протяжении нескольких лет резкие до безответственности заявления некоторых должностных лиц прежней краевой администрации по вопросам межнациональных отношений. Тот период был характерен активностью словотворчества при практически полном отсутствии реальных действий по регулированию миграции и стабилизации межэтнических отношений.

Кто виноват?

Как изменилось представление о причинах межнациональных конфликтов за прошедшие 6 лет? В 1995 году опрошенные во всех субъектах Федерации люди на первое место ставили такую причину, как “деятельность политиков”. В 2001 году лидировать стала такая позиция, как “экономические трудности”, которая оттеснила с небольшим отрывом деятельность политиков на второе место. Можно сказать, что очень затянувшееся ожидание улучшений материальной стороны жизни стало утомлять людей... Динамика ответов показывает, что тема равенства народов звучит все громче. Так называемое престижное потребление, когда недавние мигранты строят большие дома, обзаводятся “напоказ” дорогими машинами, сутками просиживают в ресторанах под национальную музыку, становятся все более раздражающим для остального населения. И пусть доля таких демонстраторов богатства среди всех мигрантов невелика, именно они, что называется, бросаются в глаза и создают проблемы для всех переселенцев.

Живание мигрантов – общая проблема

Как говорилось раньше, одной из острых для региона является проблема интеграции, то есть включения в местное сообщество мигрантов нескольких последних лет. Напомню, что среди них подавляющее большинство – это русские. Но это – другие русские, в культуре и быту которых много чеченского,

узбекского, грузинского. Если же речь идет о мигрантах других национальностей, то проблема еще сложнее. Многие из этих людей останутся в крае, и от того, как сложатся их отношения со старожильческим населением, во многом зависит стабильность на Кубани. Недавно ЮРПЦ осуществил при поддержке Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев проект “Усиление интеграции беженцев и вынужденных переселенцев в местное сообщество на Юге России”, направленный на опробование различных методик “притирания” вынужденных переселенцев. Мы пришли к выводу, что в южном регионе проблему интеграции нельзя пускать на самотек. В условиях Кубани с высоким процентом сельского населения и консервативным общественным сознанием нужна сознательная работа по улучшению взаимного понимания мигрантов и старожилов. Наиболее эффективно такую деятельность можно организовать на основе совместного выполнения социальных проектов, направленных на решение конкретной проблемы. В этом случае местное население и мигранты оказываются не друг против друга, а вместе против общей проблемы. Проектные методики уже давно популярны на Западе, причем там их применяют не “на вынос”, а для себя. Следовательно, есть смысл приглядеться и использовать этот подход.

Чувство войны

Главная проблема южного региона сегодня — это Чечня. Дестабилизирующее влияние войны сказывается на многих сферах нашей жизни. Как южане относятся к чеченской войне и как изменилось это отношение за 6 лет? Очень невелик сегодня процент людей, которые равнодушны к этой проблеме, — всего 3%. Более 52% ответили, что руководство России должно обязательно довести до конца военную операцию в Чечне. Около 45 процентов высказались за немедленное прекращение войны. В сравнении с 1995 годом это очень показательные цифры. Тогда мнения жителей региона разделились по-другому: 42,7% процента выступали за доведение операции до логического завершения и 57,2 — за прекращение войны. Таким образом, за последние годы мы пришли к выводу, что мир возможен не всегда, даже если очень хотеть мира.

Изменения, которые произошли в оценке жителями региона состояния межнациональных отношений, очень разноплановые. В чем-то мы сделали шаг на пути к укреплению стабильности, в чем-то — наоборот. Но мы уже другие, потому что изменился мир вокруг нас. И это нужно учитывать, особенно в деятельности власти в такой сложнейшей сфере, как отношения разных народов. Надеюсь, что зеркало социологии поможет сделать меньше ошибок в будущем.

М.В. САВВА,
доктор политических наук, координатор проекта
“Юг России — регион национального согласия и мира”.

1. Витковская Г.С. Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России. Старые и новые фобии. М., 1999. С. 151—191.
2. Миграция и безопасность в России. М., Московский центр Карнеги. 2000. С. 161.
3. Ле Карре Дж. Наша игра. М., 1997. С. 274.
4. Кудрявцев А. Чеченцы в восстаниях и войнах 18—19 веков // Вестник Евразии, 1996. №1 (2). С. 95.

Общественное участие в предотвращении межэтнических конфликтов и преодолении их последствий

У Бернарда Шоу есть выражение: “Если у вас есть яблоко, и у меня есть яблоко, и если мы обменяемся этими яблоками, то и у вас, и у меня останется по одному яблоку. А если у вас есть идея, и у меня есть идея, и мы обменяемся этими идеями, то у каждого будет по две идеи”. Следуя этому утверждению, мы постарались, чтобы опыт общественного участия в предотвращении межэтнических конфликтов и преодолении их последствий был изучен и обобщен в рамках проекта “Юг России – регион национального согласия и мира”.

Под общественным участием мы понимаем деятельность гражданских союзов и взаимодействие их с органами власти в решении проблемы межэтнических отношений. Этому были посвящены десять “круглых столов”, которые проходили в Краснодарском и Ставропольских краях, Ростовской области и Республике Адыгея, и межрегиональная конференция “Пути достижения межнационального согласия и мира на Юге России”.

В работе “круглых столов” принимали участие лидеры общественных объединений, национальных общин и диаспор, представители органов власти и научного сообщества. Несмотря на похожие темы, каждый из “круглых столов” отличался — и по интонации, и по характеру поднимаемых в ходе дискуссии проблем. Почти на каждом из них поднимались такие проблемы, как дефицит общения лидеров национально-культурных организаций и отсутствие систем-

“Круглый стол” в Пятигорске.

ного механизма взаимодействия с органами власти в данном направлении. “Круглые столы” были своеобразным срезом мнения экспертов по проблеме межнациональных отношений в каждом городе, и многие из них заканчивались конструктивными предложениями. Эти предложения были обращены к органам власти, и к средствам массовой информации, и к лидерам национальных общин и диаспор.

В качестве еще одного важного эффекта “круглых столов” нужно отметить консолидацию усилий научного сообщества и представителей гражданских союзов в миротворческой деятельности. Очень часто гражданским инициативам не хватает экспертного потенциала науки, и мы были рады тому, что на “круглых столах” появилась возможность объединить теоретические знания ученых и практические наработки лидеров общественных организаций.

Каждый “круглый стол” был уникален своими выводами и рекомендациями, поэтому мы предлагаем краткое изложение их результатов и публикаций, которыми сопровождалось данное мероприятие.

Участники “круглого стола” “Межнациональные отношения в Сочи: рубеж тысячелетий” пришли к выводу, что в городе необходимо поддерживать и развивать Центр национальных культур и инициировать на местных телевизионных каналах серию передач о традициях и современной культуре народов, населяющих город. Лидеры национальных объединений высказали мнение, что создание положительного образа любой нации будет вызывать добрососедские отношения и уважение к людям различных национальностей.

Участники “круглого стола” в г. Краснодаре “Тенденции развития межнациональных отношений в Краснодарском крае” считают, что для нормализации межнациональных отношений необходимо формировать полноценную правовую базу, которая на сегодняшний день находится в зачаточном состоянии.

Газета “Московский комсомолец на Кубани” № 42 (226) 18–25 октября 2001 г.

“..Территория национального согласия и мира”, — заявили в Южном региональном ресурсном центре, где в минувшую пятницу прошел “круглый стол” по теме “Тенденции развития межнациональных отношений в Краснодарском крае”. Но это, увы, не утверждение, а скорее пожелание или цель. Пути достижения которой пока неясны. Эта болезненная и острая тема вызвала бурю эмоций, выступлений и жесткую полемику. Скорее всего, такой взрывной эффект беседы получился потому, что с самого начала организаторами “стола” акцент был переставлен с тривиального национального вопроса именно на тенденции развития...

...Вся дискуссия свелась, в сущности, к двум извечным вопросам: кто виноват и что делать? Причем на второй найти ответ гораздо сложнее, чем на первый. Правовая база для развития и нормализации межнациональных отношений — в зачаточном состоянии. Сводить же эти отношения к фольклорным песням и пляскам — вчерашний день. По словам М.В. Саввы, сейчас главная задача — увидеть и понять реальную ситуацию, набрать больше информации и уж потом ее анализировать. Этот “круглый стол”, второй по счету, отличался от первого, прошедшего в

Сочи, по характеру поднимаемых проблем. Отсюда – промежуточный итог: скорее всего, проблемы межнациональных отношений очень конкретны, имеют четкую привязку к той или иной географической местности, к доминанте той или иной национальности, а потому универсального рецепта, панацея от всех бед не будет. Предстоит долгая, сложная работа. Мы только приступаем к ней”.

Диалог между лидерами национальных диаспор, представителями органов власти и НКО в рамках “круглого стола” “Опыт национально-культурного развития Республики Адыгея: власть и НКО в миротворческом процессе” получился конструктивным. Его участники отметили, что народы, проживающие в Республике Адыгея, в мире и согласии жили и будут жить дальше, но органы власти должны отрегулировать процесс миграции, чтобы вновь прибывающие в республику мигранты не способствовали нагнетанию обстановки.

“Круглый стол”, проведенный в Новороссийске, был очень представительен и со стороны НКО, и со стороны органов власти города. Участники “круглого стола” “Опыт решения межнациональных проблем в Новороссийске” делились своим опытом участия в профилактике межнациональных конфликтов. В результате обсуждения данной проблемы было принято обращение к главе администрации Новороссийска, председателю городской Думы с предложением органам власти осуществить конкретные шаги для профилактики конфликтов на межнациональной почве. Среди предложений стоит отметить следующие:

- Разработать городскую программу национального развития и межнационального сотрудничества.
- Создать доступную для НКО города и населения информационную базу

“Круглый стол” в Новороссийске.

о наличии работы и жилья для мигрантов в других регионах России.

■ Управлению образования провести педагогические и методические советы по проблеме толерантности, включить в процедуру аттестации учебных заведений и учителей блок вопросов, связанных с правами человека и конфликтологии.

■ Для поощрения журналистов по итогам года ввести номинацию “За объективное освещение процессов миграции и межнациональных отношений”.

■ Управлению культуры и комитету по делам молодежи провести конкурсы детского рисунка и граффити на тему толерантности.

Помимо предложений органам власти, НКО города Новороссийска заявили, что уже в настоящее время они готовы принять активное участие в разработке программы “Новороссийский МИРЪ”, в работе комиссии по межнациональным вопросам администрации города, в организации и проведении общественных слушаний по вопросам миграции и межнациональных отношений, а также предоставить бесплатную юридическую помощь по защите прав граждан, подвергающихся дискриминации по национальному признаку.

“Круглый стол” “Опыт решения межэтнических проблем в Новочеркасске” был отмечен участниками как значимый и необходимый. В результате были внесены предложения органам власти, которые направлены на улучшение межнациональных отношений в городе. Среди предложений — создание консультативного органа по межнациональным вопросам при главе администрации, работа со СМИ, которые должны объективно освещать деятельность национальных организаций, обучение подростков правильному восприятию других национальностей, их самобытной культуры.

**Газета “Новочеркасские ведомости” № 46 (599)
14–20 ноября 2001г.**

“...основной акцент в дискуссии на “круглом столе” делался на роль общественно-культурных групп, проводящих миротворческие акции, их конкретные предложения и конкретный опыт, которыми можно воспользоваться.

Представители армянской диаспоры считают, что население должно видеть положительные стороны деятельности национально-культурных объединений, и средства массовой информации играют здесь немаловажную роль, так как в данный момент большая часть людей настроена (зачастую безосновательно) по отношению к представителям “кавказских национальностей” негативно. Поэтому, по мнению В.А. Минасяна, руководителя национально-культурного объединения “АНИ”, задача СМИ – объективно освещать деятельность национальных организаций...

И главное, все мы должны понять, что человеку выгодно жить в мире, — на этом завершающем дискуссии утверждении сошлись все участники “круглого стола”.

В Таганроге ситуация в области межнациональных отношений считается одной из самых стабильных на территории Юга России. Участники “круглого стола” “Опыт решения межэтнических проблем в Таганроге” поделились своим опытом по профилактике межнациональных конфликтов. В частности, это проведение совместных праздников различных культур во время празднования

"Круглый стол" в Таганроге.

Дня города, совместные молодежные мероприятия, когда молодежь различных национальностей участвует в театральных постановках и концертах. От многих лидеров общественных объединений прозвучали предложения по открытию в Таганроге Дома дружбы, проведению фестиваля национальных культур и по организации молодежными НКО совместно с комитетом по делам молодежи "Каравана дружбы".

Участники "круглого стола" "Опыт решения межэтнических проблем в Армавире" обсуждали проблему изменения национального состава студентов в вузах города. Было отмечено снижение количества русских студентов за счет увеличения студентов из числа мигрантов и этнических меньшинств. При участии представителей чеченской диаспоры обсуждались взаимоотношения между местными жителями и чеченцами. Было принято решение о необходимости работы по повышению уровня толерантности в средних школах.

На "круглом столе" в Ростове-на-Дону "Опыт регулирования межэтнических конфликтов в Ростовской области" через призму межнациональных отношений рассматривались проблемы мигрантов на территории области. И представители администрации Ростовской области, и представители НКО говорили о необходимости объединить усилия в разрешении проблем, связанных с миграцией. Деятельность НКО очень важна и необходима при адаптации мигрантов на новом месте, при воспитании терпимости среди коренного населения к вынужденным переселенцам. А органам власти необходимо продумать механизм обеспечения мигрантов жильем и механизм создания дополнительных рабочих мест, который будет способствовать тому, что мигранты не останутся иждивенцами, а смогут полноценно участвовать в жизни сообщества.

На "круглых столах" в городах Ставрополе и Пятигорске звучало много примеров участия НКО в предотвращении межэтнических конфликтов. Лидеры общественных объединений говорили о том, что власти должны быть заинтере-

сованы в раннем предотвращении конфликтов, подходить к решению этой проблемы грамотно, системно и продуманно. Среди предложений, прозвучавших на “круглых столах”, были следующие:

- Возобновить работу этнического совета при губернаторе Ставропольского края.

- Организовать совместную работу НКО и власти со СМИ по вопросам межнациональных отношений.

- Инициировать публикации в СМИ, которые бы отражали позитивные примеры в сфере межнациональных отношений и не придавали криминальным происшествиям национальной окраски.

- Организовать работу Дома дружбы в Ставрополе для создания условий диалога лидеров национальных общин и диаспор.

В Пятигорске участники “круглого стола” обратились к представителям национально-культурных объединений с предложением не только обучать подрастающее поколение основам своей культуры, языка, но и воспитывать в детях уважение к другой культуре, уделять большее внимание толерантности.

Газета “Кавказская здравница” № 10 (19620) 24 января 2002 года

“...Аствацатурова М. А. подчеркнула, что Ставропольский край никуда не уйдет от полиэтничности, и поэтому уязвимость этих отношений необходимо обратить в достоинства. Абстрактную, с ее точки зрения, неработающую идею дружбы народов должна заменить заинтересованность в идее взаимной межэтнической безопасности. Инициативу в этом вопросе должны взять на себя как национально-культурные объединения, так и государственная власть, органы местного самоуправления.

...важно формирование терпимости по отношению друг к другу, интереса к культуре и традициям как собственного народа, так и проживающих рядом. Владимир Савельев, директор межнационального центра “Дружба” г. Кисловодска, подчеркнул важность тиражирования положительного опыта сотрудничества представителей различных народов, рассказал о конкретных мероприятиях, проводимых в Кисловодске. Он также поднял тему ответственности и значения роли СМИ в формировании общественного мнения, в поддержании спокойствия и стабильности, в интернациональном воспитании молодежи. Одобрение и поддержку участников “круглого стола” получила высказанная Владимиром мысль, что власти должны быть заинтересованы не в ликвидации конфликтов, а в их раннем предупреждении”.

В рамках проекта “Юг России — регион национального согласия и мира” была проведена межрегиональная конференция “Пути достижения межнационального согласия на Юге России”. Основными целями конференции являлись вовлечение широких кругов общественности в процесс осознания и обсуждения проблем межнациональных взаимоотношений на Юге России, а также обеспечение взаимодействия неправительственных организаций и обмена опытом между ними в решении межэтнических проблем. В работе конференции приняли участие более 60 лидеров общественных организаций, национальных об-

"Круглый стол" в Пятигорске.

ществ и диаспор, представителей научного сообщества и органов власти. Доклады экспертов на пленарном заседании были очень содержательны, и для многих участников конференции статистика межнациональных отношений в регионе стала откровением. Для секционных заседаний были выбраны следующие актуальные темы: "Проблема вынужденных мигрантов в контексте межэтнических отношений"; "Взаимодействие власти и НКО в предотвращении и урегулировании межэтнических конфликтов"; "Миротворческие инициативы общественных объединений"; "Научная экспертиза проблем межэтнических отношений". На каждом из секционных заседаний были выработаны рекомендации по профилактике конфликтов.

Данные рекомендации представлены полномочному представителю Президента РФ в Южном федеральном округе, губернаторам Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, президенту Республики Адыгея.

Результаты "круглых столов" и конференции "Пути достижения межнационального согласия на Юге России" еще раз подтвердили, что гражданские союзы готовы выступать в качестве экспертов по вопросам межнационального согласия, и это подкреплено более чем десятилетним стажем работы над решением данной социальной проблемы и огромным креативным потенциалом, который отражен в рекомендациях и предложениях.

***Оксана ЗЕНЧЕНКО,
руководитель проекта "Юг России – регион национального
согласия и мира", менеджер по взаимодействию с органами
власти Южного регионального ресурсного центра.***

Рекомендации межрегиональной конференции “Пути достижения межнационального согласия на Юге России”

Краснодар, 26.02.2002 г.

Данные рекомендации выработаны на основе предложений, прозвучавших в ходе пленарного заседания и секций межрегиональной конференции “Пути достижения межнационального согласия на Юге России”. При их подготовке учтено современное состояние научных дисциплин, исследующих проблему межэтнических конфликтов, а также реальные возможности власти и общества в регионе.

Мировая практика подтверждает, что исключить сами межэтнические конфликты в их разнообразных формах из жизни общества невозможно, а ставить задачу их полного разрешения — нереалистично. Можно говорить лишь о профилактике и урегулировании конфликтов, уменьшении их негативных последствий. Мы исходим из того, что в настоящее время первоочередной задачей является недопущение насилия в ходе межэтнических конфликтов. Важной предпосылкой конфликтов является иноэтничная миграция в регион и возникновение здесь замкнутых национальных сообществ. Мы отмечаем недостаточную готовность региональных властей (уровень субъектов Федерации) предложить новые подходы к решению возникающих проблем, а также стремление долгое

Пленарное заседание конференции “Пути достижения межнационального согласия на Юге России”.

время воспроизводить в новых условиях когда-то найденные способы реагирования на проблемы межэтнических отношений.

Участники конференции рекомендуют:

1. Популяризировать уже найденные мировым научным сообществом общие подходы к регулированию межэтнических конфликтов, например, изложенные в “Меморандуме Кона”. С этой целью содействовать изданию и включить изучение меморандума в программы повышения квалификации и переподготовки государственных и муниципальных служащих. В то же время необходимо учитывать неполноту предложенных меморандумом мер и необходимость их адаптации к условиям России и Северного Кавказа, а также российскому законодательству.

2. Возложить на рабочие группы органов власти субъектов Федерации, занимающиеся изучением состояния межэтнических отношений, принятие мер по расследованию жалоб населения и заявлений местных органов власти как на нарушения прав меньшинств по этническому признаку, так и на агрессивные действия представителей меньшинств (часто связанные со стремлением иноэтнических мигрантов создать моноэтнические поселения и с этой целью удалить с территории населенного пункта представителей других национальностей). При этом рабочие группы должны иметь комплексный характер и состоять из должностных лиц уровня субъекта Федерации. Деятельность подобных рабочих групп должна быть направлена на выявление всех нарушений федерального и субъектного законодательства со стороны лиц, провоцирующих возникновение межэтнического конфликта, и принятие мер по решительному устранению таких нарушений. Целью работы таких групп является формирование чувства неизбежной ответственности за любую попытку осознанно или случайно вызвать межэтнический конфликт.

3. Перестроить систему взаимодействия региональных органов власти и национальных объединений уровня субъекта Федерации. Усилить взаимодействие органов власти и общественных объединений в деле получения и анализа информации и решения проблем межэтнических отношений. В настоящее время национальные общественные объединения и национально-культурные авто-

номии выполняют по преимуществу функции адвокатов представителей своих народов. Контакты этих объединений с властью имеют эпизодический характер даже в тех субъектах Федерации, где формально созданы консультативные органы из представителей этнических организаций и автономий. Отсутствует законодательная база для эффективного взаимодействия властей и общественных организаций, созданных по этническому принципу. Необходимо принять законы субъектов Федерации о национально-культурной автономии, предусматривающие персональное членство в таких объединениях. Персональное членство повысит уровень ответственности руководства национально-культурных автономий за деятельность этих объединений и в то же время позволит ему войти в состав консультативных органов при главах субъектов Федерации. Предусмотреть создание консультативных органов из руководителей национально-культурных автономий и объединений с фиксированным членством при главах местного самоуправления.

4. Создать систему мониторинга межэтнических конфликтов в каждом заинтересованном субъекте Федерации. Учесть при создании подобных систем опыт действующей сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (директор сети – В.А. Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН), также отделения этой сети по Южному федеральному округу. Для сбора информации на местах в системе мониторинга могут быть задействованы представители администраций субъектов РФ в муниципальных образованиях (система таких представителей существует, например, в Краснодарском крае). Организовать обучение лиц, участвующих в работе сетей мониторинга в субъектах Федерации, с привлечением образовательных учреждений и экспертов из общественных объединений. Использовать проведение Всероссийской переписи населения для создания информационной базы мониторинга, приложив к переписному листу региональную анкету. Создать сайты органов государственной власти (там, где они отсутствуют) для более широкого информирования общественности о состоянии межэтнических отношений и путях решения возникающих проблем.

5. С целью продвижения вопроса о репатриации турок-месхетинцев в Республику Грузия добиться включения представителей власти заинтересованных субъектов Федерации в рабочую группу по подготовке проекта договора между Россией и Грузией. Договор должен включать конкретные взаимные обязательства по созданию условий возвращения турок-месхетинцев в Грузию. Создать постоянную систему информирования представителей федеральной власти о состоянии проблемы турок-месхетинцев в регионе. Включить в работу по репатриации турок-месхетинцев заинтересованные некоммерческие общественные организации.

6. Начать с участием представителей заинтересованных общественных объединений подготовку проектов программ национального развития и национально-культурного сотрудничества субъектов Федерации и муниципальных образований на основании Указа Президента РФ от 15.06.1996 г. № 909 “Об утверждении концепции государственной национальной политики Российской Федерации”. Разработка подобных программ позволит осмыслить современное состояние межэтнических отношений и сформировать систему взаимосвязанных мер по профилактике и регулированию конфликтов. Предусмотреть в бюджетах субъектов Федерации статью расходов на реализацию политики в отношении национальностей и миграции. Учесть в данных программах необходимость поддержки миротворческих инициатив НКО (например, встреч старейшин различных народов).

7. Разработать и принять с учетом существующего проекта федеральной миграционной программы концепции миграционной политики субъектов РФ. Инициировать принятие нормативно-правовых актов Российской Федерации, регулирующих вопросы депортации мигрантов, незаконно находящихся на территории России.

8. Предусмотреть подготовку и публикацию в каждом заинтересованном субъекте Федерации ежегодного официального доклада о состоянии межэтнических отношений, нарушениях прав человека по национальному признаку и динамике миграционной ситуации с целью пресечения слухов и предоставления обществу возможности ознакомиться с важной для каждого члена общества информацией.

9. Начать разработку специальных интеграционных программ с участием НКО для мигрантов нескольких последних лет, оставшихся для постоянного проживания в регионе. В этом направлении в качестве первых шагов были бы полезными даже элементарные меры, например, публикация памяток о правах и обязанностях мигрантов; обучение и правовая поддержка представитель организаций вынужденных мигрантов; создание банка данных о потребностях регионов в трудовых ресурсах мигрантов (данная мера будет способствовать также поиску мигрантами работы за пределами региона).

10. Создать экспертно-консультативные советы при полномочном представителе Президента РФ в Южном федеральном округе, главах субъектов Федерации и главах муниципальных образований по вопросам политики в отношении национальностей и миграционной политики из представитель органов власти, НКО вынужденных мигрантов, национальных общественных организаций и национально-культурных автономий, научного сообщества.

11. Ввести в составе регионального компонента образовательных программ учебный курс "Народоведение/Регионоведение" для более объективного и глубокого ознакомления школьников и студентов с традициями, обычаями, историей народов региона.

12. Включение в программы повышения квалификации учителей средних школ курсов толерантности с упором на формирование толерантных установок в межэтническом общении.

13. Учитывая отрицательную перспективу принятия федерального закона "О миграции в РФ", внесенного в Государственную Думу России Законодательным собранием Краснодарского края и парламентом Республики Адыгея, начать работу по совершенствованию миграционного законодательства заинтересованных субъектов Федерации. Вовлечь в эту работу весь возможный интеллектуальный потенциал региона. Учить в указанной деятельности, что основную угрозу стабильности в регионе в настоящее время представляют лица, временно находящиеся здесь и в силу этого не ориентированные на выстраивание долговременных прочных отношений с местными сообществами.

14. Предусмотреть создание специальных программ в электронных региональных СМИ и рубрик в печатных СМИ, посвященных национальной культуре и межэтническим отношениям. Проводить в каждом субъекте Федерации региональные ежегодные конкурсы на лучшую публикацию, посвященную межэтническим отношениям. Предусмотреть государственные гранты уровня субъектов Федерации для конструктивного освещения в СМИ проблем межэтнических отношений. Инициировать разработку и принятие журналистским сообществом кодекса безопасного информационного поведения в конфликтных ситуациях государственных СМИ.

ЮЖНЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЕСУРСНЫЙ ЦЕНТР

Миссия:

Краснодарская региональная общественная организация "Южный региональный ресурсный центр" (ЮРРЦ) способствует становлению гражданского общества посредством развития, укрепления и поддержки общественных организаций Юга России. Создана 22 января 1997 г. по инициативе профессионалов, работающих в некоммерческом секторе с декабря 1995 года в рамках программы "Поддержка общественных инициатив".

Для укрепления некоммерческого сектора на Юге России ЮРРЦ проводит:

- программу развития сети ресурсных центров в городах региона;
- общественные кампании по различным актуальным социальным проблемам;
- ярмарки социальных проектов;
- конкурсы малых грантов для некоммерческих организаций;
- конкурсы на лучшее освещение деятельности НКО;
- программу стажировок для лидеров НКО;
- межрегиональные конференции для некоммерческих организаций;
- исследования и методические разработки по актуальным вопросам деятельности НКО;
- "круглые столы" по проблемам развития НКО-сектора с привлечением внешних экспертов.

ЮРРЦ издает:

- газету для некоммерческих организаций "Новая реальность" — ежемесячно;
- журнал "Идеалист" — ежеквартально;
- бюллетень "Сила сетей" — ежеквартально;
- справочную и методическую литературу для некоммерческих организаций.

В ЮРРЦ вы можете:

■ □ получить консультацию и стать участником семинаров и тренингов по организационному и финансовому развитию, управлению и планированию, фандрайзингу, написанию заявок на грант, социальному маркетингу, добровольчеству, связям с общественностью, практическим механизмам взаимодействия с местными органами власти и бизнесом, юридическим вопросам и бухгалтерскому учету;

- пройти курс компьютерной грамотности;
- стать читателем библиотеки ЮРРЦ;
- подписаться на газету "Новая реальность" и журнал "Идеалист";
- получить информацию о деятельности российских и международных НКО,
- используя ресурсы Internet;
- получить доступ к электронным базам данных по НКО Юга России, региональным СМИ и международным фондам, поддерживающим развитие некоммерческого сектора;
- разместить информацию о деятельности своей организации в газете "Новая реальность" и на Web-сайте ЮРРЦ;
- получить техническую помощь (в том числе воспользоваться компьютером, ксероксом).

350058, г. Краснодар, ул. Старокубанская, 114.

Тел.: (8612) 34-09-18, 31-90-20. Факс: (8612) 31-09-89.

E-mail: srrc@krasnodar.ru <http://www.srrc.ru>

Содержание

Введение.	
М.В. Савва. Территория согласия, к которой мы стремимся -----	3
Меморандум Кона -----	6
Результаты социологического исследования состояния межэтнических отношений в регионе -----	15
Отчет о проведении фокус-группового исследования: “Диагностика состояния межнациональных отношений в городе Краснодаре” -----	34
Отчет о проведении фокус-группового исследования: “Диагностика состояния межнациональных отношений в Республике Адыгея” -----	46
М.В. Савва. Межнациональные отношения на Юге России: особенности и динамика -----	55
О.В. Зенченко. Общественное участие в предотвращении межэтнических конфликтов и преодолении их последствий -----	60
Рекомендации межрегиональной конференции “Пути достижения межнационального согласия на Юге России” -----	67
Сведения о ЮФЦ -----	71

Брошюра издана КРОО "Южный региональный ресурсный центр"
 Адрес: 350058, г. Краснодар, ул. Старокубанская, 114, 3-й этаж,
 телефоны: (8612) 319-020, 340-918
 Факс: (8612) 310-989
 Эл. почта: srrc@krasnodar.ru

Отпечатана в ООО ИПК "Весть".
 Тел. 60-40-65.

Тираж 500 экз.
 Заказ №